

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 8

1981

Илья ШАТУНОВСКИЙ

СУНДУК
БАБУШКИ АГРАФЕНЫ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 8

Илья ШАТУНОВСКИЙ

СУНДУК БАБУШКИ АГРАФЕНЫ

ФЕЛЬЕТНЫ

Москва. Издательство «ПРАВДА»

1981

И. М. ШАТУНОВСКИЙ

Фельетоны и юмористические рассказы писателя-сатирика Ильи Мироновича Шатуновского вот уже двадцать пять лет появляются на страницах «Правды», «Комсомольской правды», «Огонька», «Крокодила», выходят отдельными сборниками. Наиболее значительными из них являются книги, вышедшие в издательстве «Советский писатель», — «Условная голова», «Алтын за щекой», «Автограф императрицы».

Илья Шатуновский — участник Отечественной войны, совершил сто один боевой вылет на самолете-штурмовике «Ил-2», имеет четырнадцать правительственных наград. Сейчас он работает редактором газеты «Правда» по отделу фельетонов.

ЖАДНОСТЬ

Еще не так давно скептики предрекали, что повышение тарифов на такси поубавит число приверженцев этого замечательного вида городского транспорта. А вот ничего подобного не случилось. И теперь в «Волгах» под шашечками занятые люди следуют на работу, командированные — в аэропорт, приезжие — на экскурсии, студенты — по своим надобностям...

Короче говоря, процент граждан, предпочитающих такси трамваю, по-прежнему высок. Приведем убедительные примеры. В. И. Мострюченко, с которым мы теперь познакомимся, за последний год истратил на такси девять тысяч рублей с какими-то копейками. Если пересчитать на километраж, то получится, что он уже объехал земной шар по экватору и пошел на второй виток. Другие подсчеты показывают, что он расходовал на разъезды семьсот пятьдесят рублей в месяц. Двадцать пять — в день!

Впрочем, это средние цифры. Иногда Виктор Иванович работал дома. По другим же дням колесил по городу с утра и до вечера. Постепенно у него завелись широкие знакомства в таксомоторных кругах. Он снимал телефонную трубку и говорил:

— Это Коля? Ты будешь на линии? Ах, у тебя выходной! Жаль. Тогда передай Толе, что я займу его на всю смену.

Ездить с Мострюченко любили и Коля и Толя. Пассажир был общителен и не скуп. Чтобы иметь всегда машину под рукой, он приглашал водителей с собою в ресторан. Им к обеду заказывал бутылку «боржоми» (служба есть служба!), себе — фужер французского коньяка «Наполеон».

Так кто же такой В. И. Мострюченко? Академик? Мореплаватель? Известный на весь город плотник? Нет, это совсем молодой парень, исключенный со второго курса авиационного института за подделку документа.

Да может ли быть такое: рестораны, фужер коньяка «Наполеон», на такси вокруг экватора, и вдруг — студент!

Вот и шоферу такси Володе показалось, что он ослышался, когда пассажир, занявший машину на весь день, назвался студентом. Через минуту водитель уже знал, что Виктор Мострюченко — человек

состоятельный. На днях в Калуге умерла его бабушка Варвара, которая перед самой кончиной устроила ему приятный сюрприз: завещала 15 тысяч. Но из-за разных формальностей сберкасса выдаст наличные только к концу месяца. А тут, как назло, срочно понадобились деньги: подошла очередь на «Волгу» в экспортном исполнении, а папа — крупный загранработник — прилетит только через неделю. Оттуда, куда он командирован, так быстро не выберешься. Вот и приходится мотаться из конца в конец, искать деньги.

Вечером сын видного загранработника уплатил по счетчику семьдесят пять рублей да еще за хорошее обслуживание выдал Володе премию — два червонца. Расстались довольные друг другом с тем, чтобы через день встретиться вновь. Опять носились по всему городу. Заезжали за какими-то людьми, прямо в такси Мострюченко брал у них деньги, и если те просили, выдавал расписки. Между делом Мострюченко занял 460 рублей и у Володи, с которым был уже на короткой ноге.

Денег все еще не доставало, и любезный водитель предложил заглянуть к его знакомой девушке Оле — дамскому мастеру из салона красоты. Молодые люди сразу же друг другу понравились, и Виктор взял у дамского мастера сто рублей. А когда рассказал о бабушкином наследстве, о загранпапе и о «Волге» в экспортном исполнении, которая вот-вот ускользнет из рук, Оля выложила на стол еще две тысячи.

— А нет ли у тебя знакомых, которые могли бы дать деньги на два-три дня?

— Как же, есть!

Теперь знакомые Оли передавали Мострюченко другим своим знакомым, как эстафету, и те с большой радостью оказывали ему кредит. Повар из ресторана «Славянский базар» Таня, дав взаймы деньги Мострюченко, представила его официанту Славе.

— Да, накопления имеются, — похвалился Слава. — Я с родителями собираю на машину. У нас уже шесть тысяч. А сколько надо?

— Все!

Родители в отличие от сына оказались людьми осторожными. Но желание удружить было у Славы так велико, что он сочинил трогательную историю, будто Виктор женится на Тане и для свадьбы нужны деньги.

— Он мой старинный товарищ, — соврал Слава.

Шоферы таксомоторного парка охотно оказали материальную помощь своему постоянному пассажиру. Как бы стараясь переплюнуть друг друга, Коля дал 1800, Толя — 2100, Боря — 2200. У Саши своих денег не оказалось, но он вспомнил, что у него есть денежный дед. Поехал к денежному деду. Сначала старик прикинулся несостоятельным, но, посоветовавшись со внуком, извлек из сундука 800 рублей.

А на машину все равно не хватало. Благоприобретенные суммы сразу же начинали таять: поиски кредита требовали немалых средств на разъезды и представительство. Вот почему ни официант Слава, ни парикмахерша Оля, ни Сашин дед, равно как и все остальные кредиторы, денег назад не получили. Чтобы избежать нездоровых эксцессов, Мострюченко решил на время укрыться у своей бабушки Варвары, которая, к счастью, оказалась живой и здоровой.

Он прикатил в Калугу, конечно же, на такси и был накормлен доброй старушкой оладушками с вареньем. А его не привыкшая к диете душа требовала севрюжинки с хреном и французского коньяка. По его просьбе троюродная сестра аппаратчица Галя отыскала массу кредитоспособных людей среди соседей и сослуживцев. Школьник Дима предложил 100 рублей, аккордеонист Гена — 1800, учительница музыки Люба — 2300.

Не изменяя своей привычке, Мострюченко и в Калуге пешком не ходил, постоянно разъезжал на такси с шофером Юрой, у которого перехватил 1020 рублей до получки. На этой же машине от бабушки Варвары он переехал к девушке Лене, с которой познакомился на улице и у которой имел не только кредит, но и успех. У Лены было немало знакомых, а у знакомых — свои знакомые...

Время шло, и постепенно кредиторов стало охватывать нетерпение. Тогда Мострюченко собрал наиболее скандальных клиентов в загородном ресторане «Лесная сказка» и дал в их честь торжественный обед. Пока гости бражничали и славили щедрость хозяина стола, тот вместе с девушкой Леной укатил в Мурманск. Потом посетил Тольятти, Рязань, снова объявился в Мурманске и на том сгинул. Но не навсегда.

Совсем недавно Мострюченко предстал перед своими кредиторами живым и невредимым. Эта не для всех приятная встреча произошла в зале заседания народного суда. Оказалось, что подсудимый со всей скрупулезностью до последней копейки вел точный учет, кому и сколько задолжал, горит желанием расплатиться с долгами, но, понятно, лишь тогда, когда у него заведутся деньги. Сейчас же он гол, как сокол, и ничем, кроме своей оптимистической улыбки, порадовать окружающих не может. А тридцать девять объявившихся кредиторов, напирая дружно со всех сторон, жаждали немедленно, сию же минуту получить с Мострюченко свои 39 479 рублей.

Этим людям, именуемым на суде пострадавшими, можно было бы только посочувствовать, если б не одно обстоятельство.

Вот перед судейским столом стоит очередная свидетельница — официантка ресторана на вокзале Галя. Однажды к ней подошла другая официантка — ее подруга Виолетта — и сообщила, что ее постоянному гостю, очень богатому и щедрому человеку, позарез нужны деньги на два-три дня.

— И вы дали деньги? — спрашивает судья.

— Да.

Оказалось, что вместе с постоянным гостем обедает шофер такси. Между подачей первых и вторых блюд Галя успела съездить домой и привезти деньги.

— Шестьсот двадцать пять рублей,— уточняет Галя.

Но откуда такая прыть! Как же можно ни с того ни с сего вдруг отдавать незнакомому человеку по существу свою восьмимесячную зарплату?!

Свидетельница мнется. На помощь ей приходит подсудимый:

— Я взял у ней пятьсот рублей, а сто двадцать пять обещал отдать в качестве благодарности за услуги.

Известный нам официант Слава из «Славянского базара» дал займы шесть тысяч, а получил от Мострюченко расписку на семь двести. Заработать за три дня кучу денег, разве можно было упускать такой счастливый случай! И другим своим кредиторам Мострюченко обещал немалые проценты. А что, ему разве жалко? Все равно ни копейки он отдавать не собирался. Некоторые любители пожить, к которым он обращался, не имели свободных денег. Но почувяв легкий заработок и рассчитывая оставить проценты себе, они бросались к своим родственникам, знакомым.

Жадность ослепляла людей, перед которыми мошенник швырял десятки в надежде получить сотни. Хотя бы кто-нибудь задумался, из каких средств бывший студент, а теперь нигде не работающий бездельник будет отдавать такие сумасшедшие проценты! На какие деньги разъезжает в такси, пьянствует в ресторанах? На отцовские? Но какой пусть даже высокооплачиваемый родитель может давать сыну такие карманные деньги!

Отец Виктора Мострюченко, Иван Семенович, был допрошен в судебном заседании. «Загранпапа» оказался устойчивым домоседом. За рубеж он не выезжал, тем не менее воспитанием сына не занимался.

— Я хоть и ушел из этой семьи,— сказал Иван Семенович,— но систематически посещал вместе с сыном различные мероприятия.

— Какие именно?

Мострюченко-старший задумался и сказал с гордостью:

— Мы ходили с ним на футбол. Был матч СССР — Бразилия. Играл знаменитый Пеле. Билеты было достать очень трудно. Но я достал...

Можно бросить упрек не только отцу Виктора, но и его матери — педагогу Оксане Кирилловне, которая, заметив, что у сына завелись деньги, не забила тревоги. И комсомольцам института, которые так и не поинтересовались, как складывается судьба их бывшего сокурсника. И жаднящим «пострадавшим», без которых не могло бы свершиться преступление. Но все это ни в коей мере не может умалить вины самого Виктора Мострюченко. Когда человеку уже двадцать четыре, он обязан сам отвечать за свои поступки.

И ответил. Народный суд приговорил его к девяти годам лишения свободы. Без конфискации имущества в связи с полным отсутствием такового.

КУСТ МАЛИНЫ У ДОРОГИ

Мария Ивановна выглянула в окно и заметила трех деловых людей, переходивших улицу.

— Батюшки, чуть комиссию не прозевала! — воскликнула она и шепнула старушке у телевизора: — Пока я все не подготовлю, никого не впускать.

— А мы уж собирались уходить, — недовольно сказал председатель комиссии П. Г. Шебанцев, появляясь наконец в прихожей. — Звоним, звоним — ни ответа, ни привета.

— Извините великодушно, — засуетилась Мария Ивановна, вытирая мокрые руки о передник. — Я на кухне вожусь, а мама туга на ухо, ничего не слышит. Присаживайтесь к столу, посмотрите, как мы живем.

— Живете, вижу, неплохо. — Председатель жилищной комиссии трикотажной фабрики П. Г. Шебанцев извлек из портфеля заявление экономиста М. И. Арбузовой. — В семье у вас трое, детей нет. Две комнаты, прихожая, кухня, ванная. Что же вы хотите?

— Хочу квартиру побольше, — не моргнув глазом, выпалила Мария Ивановна. — С изолированными комнатами. С лоджией. В новом доме.

Председатель комиссии недовольно бросил бумаги в портфель.

— У вас семнадцатая очередь. Наберитесь терпения, ждите.

— Ждать невозможно. Посмотрите, что делается в нашей спальне!

Комиссия, ведомая Марией Ивановной, заходит в другую комнату. Ей открывается ужасная картина. Стена, обращенная во двор, покрыта плесенью, струйки воды стекают на пол...

— Тю-тю, — присвистнул председатель. — У вас действительно не того...

Через неделю представители общественности опять полчаса толкались перед безответными дверьми (Мария Ивановна завозила на кухне, бабушка туга на ухо), прежде чем попали в квартиру. Не задерживаясь в прихожей и гостиной, комиссия, усиленная заместителем директора фабрики по быту и техникосмотрителем, прошла в спальню. Со стены, покрытой плесенью, по-прежнему стекала вода.

— Странно, — удивился заместитель директора. — Откуда берется вода?

— От дождя, — уверенно ответила Мария Ивановна.

— Дождей нет вот уже целый месяц, — вздохнул председатель комиссии. — К тому же комната выходит на солнечную сторону.

— Может быть, прохудились трубы? — предположила хозяйка. Техник-смотритель взглянул на чертеж.

— Коммуникации проходят над противоположной стеной. А там сухо.

— Тогда, наверное, высоко поднялись грунтовые воды...

— Грунтовые воды не могут попасть на потолок. Разве не ясно?

Марии Ивановне было все ясно.

Всем присутствующим тоже.

Дальше квартирными делами экономиста Арбузовой занимались уже не члены жилищной комиссии, а товарищеский суд. И поделом. На суде было установлено, что непосредственно перед появлением комиссий Мария Ивановна выплескивала на стенку два ведра воды, отчего, помимо всего прочего, сгнил пол, пострадали подвальные помещения...

Следующий раздел нашего фельетона переносит нас из частной квартиры в сугубо служебную атмосферу, а конкретно — на газокompрессорную станцию, которой руководит некто В. С. Харитонов. Не так давно на этой станции стали делать металлические ворота. Был отпущен фондовый материал, к работе привлекли специалистов. И хотя данная продукция вовсе не соответствовала профилю предприятия, ворота получились хоть куда. Не ворота, а загляденье!

Изготовленные в рабочее время чудо-ворота поступили в собственность начальника станции.

— Зачем же Василию Семеновичу ворота? — удивлялись сотрудники. — Ведь ворота в отличие, скажем, от Триумфальной арки отдельно от других предметов существовать не могут. Они должны быть к чему-то прилажены, чего-то запирать...

Вопрос не находил должного ответа до тех пор, пока бригада рабочих не получила задание в непосредственной близости от места жительства В. С. Харитонova пристроить к чудо-воротам гараж.

И вот наступил торжественный день, когда Василий Семенович, тепло поблагодарив рабочих, посоветовал им идти в кассу станции, чтобы, согласно выписанным нарядам, получить вознаграждение за труды. Сам же сел за руль своего «Москвича», к слову говоря, отремонтированного после неприятного дорожного инцидента на станции, поставил его в гараж и запер ворота большим амбарным замком.

Затем В. С. Харитонов замыслил построить лодку. Лодку-вездеходку. Чтобы можно было ее прицепить к «Москвичу» и доехать до какого-нибудь приличного водоема.

Не прошло и месяца, как со стапелей газокompрессорной станции была спущена металлическая лодка размером со средний катер. Василий Семенович растрогался, тепло поздравил доморощенных корабелов и сообщил, что, помимо зарплаты, им еще начислена премия.

Лодка и в самом деле получилась отменной. Вместе с близкими друзьями счастливый владелец проплавал по большим и малым рекам всю навигацию и самолично поймал восемь жерехов, трех линей, пять щук и много всякой мелочи.

Мы не знаем, какой дальнейший профиль получит газокompрессорная станция. Это зависит от того, какую установку даст начальник. Кстати он не только рыбак, но и охотник. Поговаривают, будто он хочет силами подведомственной ему организации сконструировать персональный вертолет, чтобы было сподручнее гонять по полям лисиц и зайцев, стрелять волков...

Некоторым, возможно, покажется, что автор пытается поставить в единый ряд своего повествования совсем не связанные между собой сюжеты. И в самом деле, какое отношение имеет строительная горячка, охватившая В. С. Харитонову к истории М. И. Арбузовой, где, как мы знаем, трамплином для получения новой квартиры должна была послужить поливная стена, обращенная во двор?

Связь между тем усматривается весьма тесная. И Арбузова и Харитонов явно не в ладах с местоимениями «мое» и «наше». Маленькое «мое» у них перевешивает огромное «наше». И «наше» представляется им чем-то вроде куста малины, стоящей у дороги: кто пройдет, тот и отщипнет. И отщипывают. Оглянутся вокруг, увидят, что никто не наблюдает, и отщипнут. Кто сорвет ягодку, кто горсть, а кто и наполнит лукошко. Все зависит от аппетитов, а главное, от возможностей.

Впрочем, возможность — понятие весьма условное, зависящее от расторопности и сообразительности конкретного индивидуума. Чем, к примеру, можно поживиться в обыкновенной школе? С мяскокомбината, понятно, можно утащить телячью ногу. А из школы что унесешь? Кусок мела? Тетрадку в косую линию?

Директор Марьинской сельской школы П. В. Оразбуренов тетрадок в косую линию и мела не присваивал. Просто в течение двух лет он получал еще одну зарплату в учебно-консультационном пункте областной заочной школы, хотя там и не работал. Его жене незаконно выписывались две-три учительских ставки. Брату директора, преподавателя физики и биологии, начислялась зарплата как специалисту с высшим образованием, а он имел только среднее.

Таким образом, запретные ягодки отщипывались от общественного куста безо всяких видимых усилий. Как бы невзначай в выплатных ведомостях появлялась лишняя строчка: тут приписывался нолик, там прибавлялась единица...

Но ведь кто-то должен проверять ведомости, сличать документы! Конечно, должен. Этим, к примеру, должен был заниматься Б. П. Головащенко, ревизор Союзлесурса. Ему надлежало следить за порядком в торговых точках леспромхозов, выявлять недостачу, вскрывать хищения. Да вот беда, был он человеком инертным,

нелюбознательным. В магазине орса Усть-Улинского леспромхоза ему показали штабели ящиков с водкой. На самом деле ящики были пустые, водка продана через черный ход, а денежки зарыты в сарае завмага Спевякина. Но Головащенко не заметил подвоха, отметил в акте, что нарушений нет. Заведующий магазином орса Няндомского леспромхоза Арзуманов, чтобы скрыть недостачу, наполнил двенадцать бочек водой, а ревизора убедил, что там подсолнечное масло. И прошло!

Вокруг ревизора Головащенко разворовывали тысячи, сам же он довольствовался малым. Тут ему сунут в портфель две бутылки портвейна, там завернут кусок осетрины. Удивительное крохоборство!..

Недавно органы прокуратуры проводили обыск у одного гражданина, который хотя и занимал не очень видный пост в главке, но ведал распределением техники, за что брал солидные взятки. Как водится в таких случаях, обнаружились и деньги (в наличности, в облигациях, во вкладах на предъявителя), и хрусталь, и предметы из желтого металла. И среди всего этого декоративного великолепия вдруг явились на свет совсем уж странные изделия: дырокол, восемь пачек скрепок, двенадцать лент для пишущей машинки, двадцать пять папок «на подпись и ознакомление», четыре календаря, настольная авторучка «Союз», шесть коробок простых карандашей...

Оказалось, что все эти канцпринадлежности подследственный натаскал из своего главка.

— Вы что, собирались открывать у себя на дому филиал ведомственной канцелярии?

Нет, не собирался. И машинки у него нет, и дырокол ему, собственно, ни к чему.

— В чем же дело?

— Да так, идешь с работы, а портфель пустой. Положишь туда что попадется под руку. Авось, в хозяйстве на что-нибудь сгодится...

Надо полагать, что в обвинительном заключении, а потом и в приговоре народного суда не найдется места, чтобы отразить факт похищения перекладных календарей и дырокола.

— Мелочь!

Конечно, мелочь. Но, быть может, грехопадение матерого хищника началось именно в тот день, когда, выходя из своего кабинета, он высыпал в свой карман горсть учрежденческих скрепок.

Нет, ошибаются те товарищи, которые считают, что следует охранять лишь склады с материальными ценностями или сейфы с деньгами. В нашей защите нуждаются и лист стали, лежащий без присмотра на дворе газокompрессорной станции, и учрежденческий дырокол, и кусты малины, которые растут у дороги, радуя глаз проезжающих и проходящих.

ГУСАКИ И ГУСЫНИ

В редакцию пришло письмо из города Гутаровска от мастера строительного участка ветерана войны П. Б. Лихоборова. Он сообщал, что в плотницкой бригаде в обеденный перерыв распиваются спиртные напитки и бывает, что во второй половине дня рабочие ставят стропила вкривь и вкось.

Прочитав письмо, редакционный фельетонист заказал разговор с ремстройтрестом. Междугородная станция соединила его с заместителем управляющего Д. П. Сорокиным.

— Вам нужно поговорить с другим заместителем управляющего — Шестеробовым Василием Кузьмичом, — сказал Сорокин, узнав, в чем дело. — Он ведает вопросами организации труда и производственной дисциплины.

Перспектива заказывать новый междугородный разговор не очень улыбалась фельетонисту, и он спросил:

— А далеко ли от вас сидит товарищ Шестеробов?

— Да нет, недалеко. В соседней комнате.

— Нельзя ли в таком случае пригласить его к телефону?

— Нельзя. Секретарша на обеде. Придет через час.

Наш работник догадался, что разговаривает с очень занятым и важным человеком, но все же набрался дерзости и рискнул спросить:

— А может быть, вы сами позовете его?

— Это исключено. Между нами все дипломатические отношения прерваны.

— Если не секрет, то в чем причина?

— Какие секреты! Вот уже второй раз наш управляющий, уезжая в отпуск, оставляет вместо себя Шестеробова, хотя мы с ним на совершенно одинаковых правах. А он свои функции подбрасывает мне, оставляя за собою лишь общее руководство...

— Значит, вопросами организации труда и производственной дисциплины в данный момент занимаетесь вы...

— Это Шестеробов так считает. А на самом деле никто с него никаких обязанностей не снимал. Мало ли что ему заблагорассудится! Словом, я вам повторяю: через час секретарша Людочка явится с обеда, она вас соединит...

В Гутаровск больше мы звонить не стали. Ни Шестеробову, ни Сорокину. Было и без того ясно, что придать стропилам правильное положение с их помощью пока не удастся. Потому что двум заместителям бороться с пьянками на стройобъекте некогда. Куда там! Забросив дела, они заварили свару на весь трест и, потешая окружающих, общаются друг с другом посредством секретарши Людочки, особы в голубых джинсах, девятнадцати лет от роду...

Еще более сложная конфликтная ситуация возникла у полузащитника команды совхоза «Голыбинский» Рукавишников. Животноводы этого совхоза известны на всю область, чего нельзя сказать о футболистах: о них даже в соседнем районе никто не слыхал. Тем не менее команда имела своих болельщиков. Во время игры они метались за воротами и что есть мочи кричали атакующему полузащитнику:

— Борька, бей в «девятку»!

Правда, Борькой его называли только на футбольном поле. А на фермах совхозного зоотехника Рукавишникова еще до недавнего времени уважительно величали Борисом Александровичем. Да и сейчас товарищи, завидев его поутру на центральной усадьбе или у животноводческих помещений, говорят ему: «Здравствуйте!» А зоотехник картинно отворачивается.

— Ноль внимания, фунт презрения!

Председатель рабочкома вызвал его на беседу. Зоотехник к нему не пошел, а направил записку: «Лично с вами встречаться не намерен. До тех пор, пока не получу гарантий в том, что ничего подобного впредь не повторится. Жду также мотивированных письменных извинений».

Каких же гарантий и извинений ждет зоотехник Рукавишников? Многими документами устанавливается, что 18 августа Б. А. Рукавишников подошел к заведующему отделением и показал приглашенный билет. Полузащитника настоятельно просили приехать на заседание дисциплинарной комиссии спортивного общества «Урожай», которая хотела разобрать случай, когда он на поле набросился чуть ли не с кулаками на судью.

— Раз надо, то поезжай, — сказал заведующий отделением.

Наутро Рукавишников отправился в город, но в спортобщество не явился. Чем он занимался весь день, так и осталось неизвестным. Дирекция совхоза посчитала, что зоотехник Рукавишников совершил прогул, и объявила ему выговор.

С выговором Борис Александрович еще кое-как смирился. Но вот его, как лицо, имеющее дисциплинарное взыскание, лишили квартальной премии. Этого зоотехник Рукавишников перенести не смог и побежал объясняться с заведующим отделением.

— Почему мне шьют прогул, я имел разрешение не выходить на работу.

— Да, но вы отпрашивались на заседание в спортобщество «Урожай», а туда не явились.

Заведующий отделением был первым, с кем Б. А. Рукавишников прервал всякие отношения. На следующий день он расплевался с председателем рабочкома, с директором и с кассиром, который, не найдя фамилии Рукавишникова в ведомости, отказался ему выдать премиальные.

— Ах так! — крикнул Борис Александрович, свирепея. — Выходит, я прогульщик, бездельник! В таком случае я не буду получать и зарплату.

Мятежный зоотехник помчался на почту, заколотил в ящик бутсы, гетры, насос для накачки мячей, судейский свисток и отправил посылку директору совхоза: дескать, играйте сами, а я слагаю с себя все футбольные полномочия!

Б. А. Рукавишников надеялся, что администрация совхоза наутро снарядит к нему великое посольство, которое в коленопреклоненном виде попросит его сообразоваться снова облачиться в футбольные доспехи и выбежать на зеленое поле.

Но великое посольство задерживалось, и Б. А. Рукавишников рассерчал еще больше.

...Недавно мы позвонили в совхоз, чтобы узнать, нет ли каких перемен на футбольно-зоотехническом фронте. Увы, инцидент еще не исчерпан. Рукавишников упорно отказывается играть в футбол, хотя об этом его никто не просит. Отказывается он и работать, хотя об этом ему настоятельно напоминают. Приходит на ферму гордый, невозмутимый, как памятник самому себе, садится на лужайке и принимается читать газету «Советская культура». От бойкота отдельных лиц перешел к бойкоту целых коллективов. Перестал здороваться с футбольной командой, с певческим кружком, с полеводческой бригадой и с рыболовецкой артелью.

— В пору хоть определей его снова в первый класс, — вздохнул председатель рабочкома. — Пусть учителя расскажут ему, что нужно отвечать на приветствия, уметь выслушивать замечания, не обрывать в разговоре старших.

Что ж, быть может, принудительное водворение зоотехника в первый класс и принесло бы известную пользу. Только нам не хотелось бы, чтоб строптивый зоотехник попал на перевоспитание в Костенковскую восьмилетнюю школу, там бы он ничего полезного для себя не почерпнул. Вот уже который год школу раздирают немислимые противоречия. В развернувшейся баталии директору противостоит учительница физики.

Началось с того, что Маргарита Яковлевна Ратанникова попросила увеличить ей учебную нагрузку. Василий Тихонович Старосветский отказал.

Учительница решила, что над ней учинили расправу.

Директор сказал, что действует в рамках закона.

По этому вопросу стороны неоднократно обменивались мнениями. Обмен происходил без свидетелей, и, судя по всему, при этом допускались непарламентские обороты речи. А также все такое прочее. Маргарита Яковлевна обратилась за помощью в районное отделение внутренних дел. В заявлении она написала, что директор Старосветский грозит ее убить и поклялся в ближайшую пятницу осуществить свой злодейский замысел.

Работники милиции исследовали обстоятельства дела со всей скрупулезностью и факт угрозы подтвердить не взялись.

А тут в милицию поступила еще жалоба — от учительницы М. Я. Ратанниковой на директора В. Т. Старосветского. В ней излагались события совсем уж чудовищные и невероятные. Будто, воспользовавшись отсутствием заявительницы, директор Василий Тихонович выставил окно и шарил в ее доме. После столь необычного незаконного визита в квартире исчезли радиоприемник «ВЭФ» и 370 рублей денег.

На этот раз, выражаясь языком протокола, факты подтвердились частично. Директор действительно сбил запоры и проник в жилище Ратанниковой. Однако прибывшие на место происшествия сотрудники милиции нашли радиоприемник в целости и сохранности. Были ли в доме 370 рублей до появления незваного гостя, установить не удалось, так что в этой части обвинение против директора отпало.

Что же тогда делал В. Т. Старосветский в чужой квартире? Орудую ломиком, он отрывал доски с потолка и пола. Добытый лесоматериал, по словам директора, должен был пойти на ремонт школьной ограды, которую повредила М. Я. Ратанникова, требуя удовлетворения своих спорных прав.

...Мы рассказали здесь о случаях нетипичных, немассовых, более того, из ряда вон выходящих. Наши учреждения отличает деловая, творческая, товарищеская атмосфера. Но нет-нет, из иного служебного помещения выплеснется на городскую площадь омерзительная, липучая склока. И сразу вспомнится великий сатирик, поведавший миру о том, как один одичавший в провинции помещик назвал другого гусакom и какая из этого вышла несусветная баталия.

Вспыхнувшей склокой вынуждены заниматься сначала районные, а затем городские и областные органы. В учреждение является комиссия за комиссией. Коллектив лихорадит. Сотрудникам становится некогда работать. Их привлекают к обследованиям, просят писать объяснения и ставить подписи под актами всевозможных проверок. Постепенно образуется два лагеря. Один поддерживает учительницу Маргариту Яковлевну, другой — директора Василия Тихоновича. Причем в конфликте иной раз пытаются разглядеть принципиальный, очень важный характер.

А какие же они принципиальные борцы, Маргарита Яковлевна с Василием Тихоновичем?

Так, гусаки, гусыни...

СУНДУК БАБУШКИ АГРАФЕНЫ

В наше время уже не осталось, кажется, ни одного любопытного отверстия в земной коре, пещеры или кургана, которые бы не обшарил пытливый взгляд археолога. Давным-давно ученые обнаружили

стоянку первобытных охотников в гроте Тешик-Таш (отроги Гиссарского хребта), раскопали памятники древнейшей земледельческой культуры у села Триполье близ Киева. И тем не менее все новые экспедиции ученых отправляются на поиски еще не разведанных могильников, кладов и тайников.

— Кто ищет, тот всегда найдет!

Но случается, что находит и тот, кто вовсе ничего не ищет. То на садово-огородном участке вдруг выкопают горшок с монетами Древнего Рима времен Империи, то на стройке экскаватор выбросит в отвал какие-то забавные камешки, которые при ближайшем знакомстве окажутся орудиями труда людей из мезолита.

Совсем недавно в сундуке бабушки Аграфены тоже обнаружился клад. Какой-то проезжий молодец зашел к ней в дом напиться в тот самый момент, когда она извлекла из сундука утюг с раструбом, купленный по случаю еще ее дедом на Нижегородской ярмарке: внуку Николеньке поручили от школы собирать металлолом.

— Что просите за утюжок, бабуся? — оживился гость. — Десятки хватит?

— Он же угольный! — охнула Аграфена Васильевна. — Да неужто в вашей деревне еще нет электричества?

— Мы не деревенские, мы городские, — обиделся парень, но тут же набавил цену: — Хорошо, двадцатка вас устроит?

Слухи о том, что бабушка Аграфена сосредоточила в сундуке редкие памятники материальной культуры, распространились по окрестным городам, и к ней повалил народ.

Один выпросил прялку, другой деревянную ступу. А из-за иконы «Состствие во ад», которая хранилась на самом дне, гости затеяли между собою потасовку.

Впрочем, и сундуки других бабушек подвергаются опустошительным набегам охотников за старинной утварью. Жители города Иванова инженер Белоглазов и электромонтер Грачиков не поленились, объехали на своих «Жигулях» добрый десяток деревень и, поделив между собою улицы, стучались в окна и двери.

— Зачем понадобились наши поделки? — удивлялись старухи. — Ступайте в сельмаг — все новое купите.

— Мы коллекционеры. Нам старина требуется. А иконка случаем у вас не завалилась?

Если хозяйки не хотели расставаться с привычными предметами, приходилось идти на хитрость. Из ознакомительной беседы с бабушкой Александрой Белоглазов узнал, что ее сын работает на здешнем деревообрабатывающем заводе, и тут же решил назваться начальником цеха:

— Вы уж отдайте вещицы, которые мне приглянулись. А я вашего сыночка буду воспитывать, продвигать.

А в соседнем доме Грачиков встретил угрюмую, глуховатую бабушку Авдотью. Пришлось подглядеть, куда некоммуникабельная старуха прячет ключи. Выждав момент, «коллекционер» отпер двери и запустил обе руки в заветный сундук.

Используя явные и тайные методы, друзья повсюду имели успех и без добычи не возвращались. Дома Грачиков держал двести шестьдесят шесть икон да еще сотню хранил у родственников и знакомых. С ним успешно конкурировал Белоглазов. Правда, икон он имел меньше, зато в его собрании были две шпаги, разная утварь, старинные изделия из серебра и бронзы, финифть...

Теперь нам время перенестись в Каунас и обратиться к событиям, которые на первый взгляд не имеют отношения к сундукам бабушек Аграфены, Авдотьи и Александры, проживающих в Подмосковье, в пределах знаменитого Золотого кольца. Начать нам придется с того приятного момента, когда Антанас Вихрявичус, заместитель начальника цеха радиозавода, решил сочетаться браком с девушкой Эльвирой.

Чтобы не показаться в глазах невесты скрягой, жених прихватил четыре тысячи рублей и явился к своему руководству с просьбой:

— Выпишите командировку в Москву. Хочу посмотреть подарки: золотые кольца, женские сапожки, столовый сервиз для свадебного ужина. Управлюсь очень быстро...

И точно, через три дня после приезда в столицу А. Вихрявичус с обратным билетом до Каунаса занял место в вагоне поезда и, с нетерпением поглядывая через окно на перрон, ожидал отправления. Не знаем, как уж там он собирался выходить из щепетильного положения, но ни сапожек, ни золотых колец, ни столового сервиза он не нашел. Не купил он невесте даже пустякового сувенирчика вроде шариковой ручки или брелока с изображением Останкинской телебашни.

Зато в его чемоданах лежали бережно упакованные антикварные серебряные изделия и сорок шесть икон: «Распятие с предстоящими», «Святой Митрофаній Воронежский», «Воскресение с праздниками»...

Этим необычным багажом и заинтересовались работники отдела милиции на станции Москва-Белорусская:

— Зачем, собственно, одному инженеру-безбожнику такое ужасающее количество икон?

— Как зачем? Молиться по разным поводам. Например, за благополучие молодой семьи, за здоровье жены и ее ближайших родственников...

Впрочем, руководствуясь принципом «На бога надейся, да сам не плошай», инженер Вихрявичус запихнул под лавку две корзины дефицитных лекарств от всех известных человечеству напастей. Их он скупил по спекулятивным ценам у разных лиц, водивших знакомство в фармацевтических кругах столицы.

Ну, а все-таки откуда иконы? Да все оттуда же. Из своей быстротечной московской командировки Вихрявичус сумел-таки выкроить денек, чтобы подскочить в Иваново, встретиться с Белоглазовым и махнуть чемодан на чемодан. В багаже, привезенном коллегой из Каунаса, обнаружился магнитофон, джинсы, импортные рубашки, грампластинки, жевательная резинка. А в чемоданах, захваченных Вихрявичусом, как мы уже знаем, лежали иконы, которые за время путешествия от сундука бабушки Аграфены до городской квартиры инженера Белоглазова подскочили в цене в пять, а то и в десять раз.

Тем не менее инженер Вихрявичус не оставался внакладе: святой товар за время транспортировки по маршруту Москва — Каунас тоже имел свойство расти в цене. И инженер Вихрявичус знает себе ездить в Москву, заглядывая в Иваново. А чего же не ездить, если получить командировку на заводе, судя по всему, проще пареной репы:

— Хочешь, поезжай!

Безо всякого видимого дела заместитель начальника за неполных три года был в командировках в Москве двадцать девять раз.

В служебные часы обдeldывали свои делишки и Белоглазов с Грачиковым: мотались по деревням, покупали, продавали. Может, на работе не знали, чем занимались эти лица? Нет, знали. Вот характеристика, выданная Белоглазову дирекцией его завода: «Работник средней квалификации. Высокомерен. Торговал мелкими вещами на рынке...»

Торговал мелкими вещами на рынке... И продолжал быть командиром производства!

Нужно сказать, что Вихрявичус был далеко не единственным контрагентом Белоглазова. Широкую клиентуру имел и Грачиков. К нему постоянно приезжали приглядеть, что продается из старинных изделий некоторые «коллекционеры» из других городов...

Спекулянт — фигура у нас, увы, не такая уж новая. Но вот с перекупщиками старины встречаться приходилось не так часто. Спрос, однако, рождает предложение. Все чаще сейчас появляется интерес к старинным вещам. Мы можем только гордиться золотыми руками дедов и прадедов наших, изделия которых, предназначенные для повседневного обихода, приравниваются ныне к произведениям искусства. Но вот беда: пока сотрудники антикварных и комиссионных магазинов еще думают, как подступиться к делу, возле бабушки Аграфены начинают крутиться типы вроде героев этого фельетона, спекулянты и прямые жулики. Тот же Белоглазов покупал серебряные солонки за 27 рублей и выцарапывал на них слова: «С Рождеством Христовым!» А простодушные люди, полагая, что видят старинную работу, теперь отваливали за них целую сотню.

В бабушкином сундуке может оказаться не только повидавшая виды солонка, но и шедевры древних мастеров, которым нет цены и которые через пятье руки могут уплыть в такие дали, откуда им уже не будет возврата.

Давайте же сами встретимся, поговорим с бабушкой Аграфеной. Не такая уж темная женщина Аграфена Васильевна, чтобы не понять, что вещи, пришедшие к ней по наследству от бабушек, и сейчас не потеряли своей привлекательности и прелести. Они могут еще долго служить людям, украшать их жизнь.

«НЕУД» ПО ПРАВОВЕДЕНИЮ

Бабушку Авдотью выставили с работы с треском без выходного пособия. Ей выдали на руки отрицательную характеристику, а приказ об увольнении, выражаясь военным языком, велели объявить по ротам, батареям, эскадронам, а также по всем другим подразделениям и службам «Ремстройтреста».

— Будет знать, как саботировать указания свыше! — сказал управляющий трестом А. С. Глухарев, все еще не остыв от гнева. — Пусть идет, куда знает.

Авдотья Федоровна пришла в редакцию. А следующим утром наш представитель отправился на переговоры в трест.

Алексей Семенович был занят делом, совсем не обязательным для управляющего трестом. В клетчатой таблице, вывешенной рядом с квартальным планом, он проставлял результаты очередного хоккейного тура.

— Так вот зачем вы к нам пожаловали! — запальчиво воскликнул Глухарев. — Терентьева пыталась сорвать совещание передовиков по обмену опытом работы.

— Каким же образом?

— В зале заседаний висят маленькие лампочки. Вот я и велел ей взять со склада лампы побольше и ввинтить в люстры. И что вы думаете, делаю я доклад, а наши активисты за мной записать ничего не могут. Полумрак, как в плохом предбаннике...

Алексей Семенович перевел дух.

— Ах, она теперь жалуется, подрывает мой авторитет! И это ей должно сойти с рук! Ну уж дудки! Вот в хоккее никакие протесты не принимаются, а за пререкание с судьей могут удалить даже до конца встречи...

— При чем тут хоккей? Бабушка Авдотья с вами в хоккее не играет! А уволена она незаконно: ввинчивание лампочек в круг служебных обязанностей уборщицы не входит.

...Народный суд восстановил уборщицу Терентьеву на работе. Авдотья Федоровна по-прежнему моет полы, и теперь в обиду ее никто не даст. А вот будущее Глухарева представляется нам весьма туманным. Ибо если управляющий трестом держит в своем кабинете не Кодекс законов о труде, а таблицу первенства страны по хоккею, то это может закончиться для него печально.

Мы не знаем, висит ли над креслами руководителей прокопьевского завода «Продмаш» хоккейная таблица. Но вот юридическая литература у них на столах явно отсутствует. Это уж совершенно точно.

Не так давно на заводе забили тревогу:

Подводят поставщики из Свердловска! Без ножа режут! А если говорить точнее, — душат без ремней!

В этих самых ремнях и вся заковыка!

— Возмещайте убытки, платите 48 796 рублей неустойки, — горячатся сибиряки.

— Что вы к нам привязались с этими ремнями? — отвечают уралцы. — Да что мы вам — обязаны?

— Конечно, обязаны. Есть плановое задание.

Плановое задание на самом деле есть. А вот заключить договор машиностроители с поставщиками почему-то так и не догадались.

Текстильщики из Гусь-Хрустального оказались более сведущими в правоведении, чем упомянутые продмашевцы. Договор со своим поставщиком — балаковским производственным объединением «Химволокно» — текстильный комбинат подписал. И договор соблюдается.

Впрочем, так считают поставщики. А получатель придерживается иного мнения. Между директором текстильного комбината и генеральным директором производственного объединения «Химволокно» возник оживленный телеграфный диалог.

Из Гусь-Хрустального: «Срываете поставку сурового штапельного волокна».

Из Балакова: «Ваше волнение непонятно. Волокно отправляем в предусмотренные договором сроки».

Из Гусь-Хрустального: «Как «в предусмотренные сроки»? В апреле получили 210 тонн. В мае — ничего».

Из Балакова: «Зато в июне отгружено все сполна».

Следующее послание из Гусь-Хрустального пошло уже не в Балаково, а в Москву: «Ответчик обязан был поставить во втором квартале 300 тонн волокна. Фактически поставлено 305,7 тонны. Но сроки внутри квартала нарушены, чем допущен срыв бесперебойного снабжения комбината и обеспечения ритмичности производства. Просим взыскать с ответчика сумму штрафа и расходы по ведению дела. Всего 18 661 руб. 06 коп.».

Стороны, представ перед лицом закона, обратились к договору. А там речь идет о квартальных сроках поставок. Все правильно: за химиками долга нет. Ну, а если текстильщикам надо было получать сырье более мелкими партиями, то им следовало дописать в договоре всего несколько слов: «Поставки осуществляются равномерно по месяцам». И тогда бы комбинат работал без перебоев, поскольку поставщик обязан был присылать по сто тонн штапеля в апреле, мае и в июне.

Возьмем еще один совсем простой пример. Орс Ингулецкого горно-обогатительного комбината, что на Днепропетровщине, взялся отправить вагон лука Парфинскому смешторгу Новгородской области. И вот вагон, весело постукивая колесами на стрелках, покотил на север и через полмесяца прибыл на станцию назначения. Получатели открыли двери и тут же закрыли: лук испортился.

Смешторг отказался от оплаты счета, вернул документы орсу, сообщив, что виновата, очевидно, железная дорога, задержавшая доставку груза на два дня. Тогда начальник орс И. Г. Демиденко направил в Ленинград, в управление Октябрьской железной дороги, претензию вместе с копией коммерческого акта.

— А где же был подлинник? — спрашивали потом у начальника орс.

— Остался у меня. Я боялся, что он пропадет в пути.

Человек, ведающий междугородными поставками, не знал, оказывается, что существует такой нормативный акт, как «Правила перевозок грузов». А они устанавливают, что к претензионному заявлению коммерческий акт прикладывается в подлиннике.

Вот почему управление дороги претензию орс рассматривать не стало. Несведущие в юридических тонкостях работники орс, разозлившись на железнодорожников, обратились в Государственный арбитраж при Ленгорисполкоме. Арбитр документы вернул, поскольку не был соблюден порядок урегулирования споров.

Начальнику орс приложить бы коммерческий акт к своей претензии и послать в управление дороги. Так нет же, обидевшись теперь на арбитраж, И. Г. Демиденко направил стопы в прокуратуру Ленинграда. И опять он показал незнание законодательства.

Дальнейшая одиссея начальника орс разворачивается в Новгороде. Отчаявшись возместить убытки за счет управления дороги, он обратил свой разгневанный взор к Парфинскому смешторгу. Исковое заявление от орс арбитраж не принял, потому что истец не представил банковский отказ смешторга заплатить за лук. А когда же документ появился, срок исковой давности истек.

Целый год ходили работники орс по разным инстанциям и, действительно болея за государственное добро, хотели найти управу на виновных. Но подвела их юридическая некомпетентность. Из-за нее-то они и девять тысяч за лук не получили и еще уплатили 722 рубля разных пошлин.

Могут, конечно, сказать, что орс — учреждение маленькое: откуда, мол, взяться там крупным законоведам! Что ж, люди, сведущие в юриспруденции, должны быть в каждом учреждении. И в орс и в смешторге, не говоря уж о таком солидном предприятии, как медико-инструментальный завод, который находится в поселке Тумботино Горьковской области.

Когда-то завод получил три агрегата, изготовленных на Дербентском заводе шлифовальных станков. Попробовали горьковчане пустить их сами — не получилось. Вызвали наладчиков из Дербента — тот же результат. Потом у своих мертворожденных детищ в глубоком раздумье расхаживали главный конструктор завода-изготовителя и начальник ОТК.

Терпение у инструментальщиков наконец лопнуло, они заколотили эти злополучные станки в ящики и отправили их назад. Дербентцы возвращать деньги за станки отказались.

— Во-первых, мы обязались устранять недоделки, а о возврате станков речи не шло. Во-вторых, станки признаны неработоспособными не по нашей вине, а из-за конструкторских неполадок...

После долгих препирательств горьковчане надумали жаловаться в Госарбитраж РСФСР и получили отказ.

— На каком основании?

— На основании закона. Срок исковой давности для споров по качеству закон определяет в полгода. Что же вы мешкали столько лет?

— А мы-то и не знали...

У жителей крупного подмосковного центра всеобщей любовью пользуется городская картинная галерея, созданная еще в двадцатом году. А через дорогу напротив — макаронная фабрика, которая старше картинной галереи лет эдак на шестьдесят. Между соседними коллективами долгое время поддерживались вполне нормальные контакты. Работники фабрики иногда посещали галерею, а искусствоведы в бакалейной секции гастронома покупали вермишель, рожки и макароны местного изготовления.

Но вот в горисполкоме пришли вдруг к убеждению, что существующие связи искусства с производством уже не отвечают текущим задачам дня, их следует расширять и углублять. Однажды утром заведующая картинной галереей кандидат искусствоведения Е. С. Протопопова получает с нарочным пакет из горсовета. Елена Серафимовна срывает сургучную печать и находит в конверте официальную бумагу. В ней говорится:

«С сего числа и до конца первого квартала каждому сотруднику картинной галереи надлежит отработать на макаронной фабрике по два дня в неделю.

Основание: Данное письменное распоряжение.

Зам. председателя исполкома горсовета

А. Б. Иконников».

Заведующая галереей спешит в горсовет.

— Как же так? У нас работников — раз, два, и обчелся! А мы развешиваем выставку народного творчества... На носу школьные каникулы, поступили заявки на восемьдесят экскурсий, в том числе из

других городов. К тому же, как наши искусствоведы будут делать вермишель?

— Ничего, ничего, научатся. Не боги тесто месят! — успокаивает ее А. Б. Иконников. — Галерею не закрывайте, пусть себе экскурсии ходят по залам. Ничего с вашими «Иванами-царевичами» и «Аленушками» не случится...

Теперь мы обратимся еще к одному документу — к письму, которое написали нам в редакцию сотрудники галереи:

«Минул первый квартал, пошел второй, а мы по-прежнему ходим на макаронную фабрику. «Странное увлечение, — могут сказать со стороны, — появилось у наших культработников!» Увы, в нашем городе не нашлось иного способа обеспечить рабочей силой безнадёжно устаревшее, отсталое по всем показателям производство. Не подумайте, что мы чураемся физического труда. Нет, мы готовы работать в свободное время на пусковых стройках, на ударных объектах, благоустраивать наш город. Но скажите, разве это правильно, что наши научные работники и экскурсоводы вместо того, чтобы заниматься своим делом, грузят ящики, вывозят мусор рядом с пятнадцатисуточниками, которых приводит сюда милиция? И, наконец, имеет ли право горсовет вводить подобную «макаронную повинность?»

Разумеется, не имеет права. После вмешательства редакции «макаронная повинность» была немедленно отменена, заместитель председателя горисполкома примерно наказан. Впрочем, А. Б. Иконников оправдывался тем, что не знал, можно ли ему издавать подобные распоряжения или нет.

В том-то и дело, что не знал. Но в наше просвещенное время незнание оправданием не является. Оно служит обвинением. Между тем среди иных деятелей бытует мнение, что изучать правоведение они вовсе и не обязаны:

— Некогда! Заняты по горло! Много всяких важных дел!

Но стоит ли говорить, что, имея «неуд» по правоведению, умело руководить современным предприятием или учреждением никак нельзя? Ибо тогда, потешая окружающих, будешь требовать, чтобы уборщица бабушка Авдотья ведала энергохозяйством «Ремстройтреста», или вводить для искусствоведов возмутительную «макаронную повинность».

КАБАН В НАУЧНОМ РАЗРЕЗЕ

С диким кабаном шутки всегда бывали плохи. Один незадачливый охотник однажды явно недооценил силу и вероломство этого зверя и получил кучу разных неприятностей. Пошел, как говорится, по шерсть, а едва не вернулся стриженным.

«За кабаном,— читаем мы в «Королеве Марго», так удачно вымененную за макулатуру,— «вися у него на хвосте», неслись штук сорок наиболее вязких гончих; вслед за собаками скакал Карл IX, потеряв берет и плащ, в разорванной колючками одежде, с изодранными в кровь руками и лицом...

Кабан, собаки и король — все промелькнуло, как видение...

— На драку, на драку! — крикнул на скаку король и снова приложил рог к своим окровавленным губам...

А через минуту властитель Франции лежал распростертый на земле в прискорбной позе, и если бы не оперативное вмешательство Генриха Наваррского, то кабан, как полагает Александр Дюма-отец, наверняка бы вспорол клыками королевскую ляжку.

Не будем стращать читателя, но объективности ради скажем, что кабаны водились не только в средневековом Бондийском лесу, где так неудачно промышлял Карл IX, они встречаются и у нас в Подмосковье. Наиболее храбрые представители этого племени заходят даже в лесной массив «Соловьиный остров», где, кстати говоря, располагается Научно-исследовательская лаборатория охотничьего хозяйства и заповедников.

Благодаря поставленной научной работе подмосковный кабан, конечно, уже не нападает ни на венценосных особ, ни на людей более низкого звания. Во всяком случае, мы не располагаем примерами, когда бы кабаны пытались опрокинуть навзничь и испортить костюмы граждан окрестных городков и поселков, отправившихся за грибами по ту и по эту сторону кольцевой автомобильной дороги.

Однако было бы крупной ошибкой считать, что кабан перековался, пересмотрел свои порочные позиции и эволюционировал в сторону давно прирученного колхозного подсывинка.

Чтобы на этот счет у читателей не оставалось никаких сомнений, мы отсылаем их к труду научных сотрудников лаборатории А. Л. Воньмиглазова и Б. О. Шелкопрядниковой, опубликованному под интригующим заголовком «Роль кабана в сельском хозяйстве Московской области». Как видно из работы, роль кабана здесь скорее негативная, чем позитивная. Авторы подтверждают свою точку зрения следующим конкретным фактом. «За пять лет,— пишут они,— в области составлено более восьмидесяти актов, в которых содержатся данные о вредной деятельности кабана».

Что же делать, как вести себя перед лицом этой реально существующей кабаньей угрозы? Авторы приходят к выводу о том, что необходимо «разработать методику оценки роли кабана», и считают необходимым «рекомендовать совхозам засеивать поля, прилегающие к лесу, культурами, непоедаемыми кабанами».

К сожалению, данный труд несколько проигрывает оттого, что он не конкретизирует, какие именно непоедаемые кабаном сельскохозяйственные культуры имеются в виду. В связи с этим у практических

работников могут получиться всякие накладки. Одни посадят баобабы, другие — плантации кактуса, а третьи, быть может, — даже апельсиновые деревья. Пусть, дескать, глядят кабаны на апельсины и облизываются, все равно до веток им не дотянутся.

Над оценкой «роли кабана в сельском хозяйстве» ломают головы и другие работники лаборатории. Старший научный сотрудник М. И. Овсянникова в течение шести лет кропотливо изучала видовой состав гельминтов кабана и меры борьбы с заболеванием его метастронгилезом. И в конце концов установила, что кабаны сплошь и рядом маются животами по причине того, что едят все, что попадет им под пятак. Правда, это открытие случилось уже после того, как обнаружилось, что аналогичная работа гораздо раньше выполнена Всесоюзным институтом гельминтологии ВАСХНИЛ в Беловежской пуще и в Завидоновском научно-опытном хозяйстве.

Сотрудников отдела техники охотничьего хозяйства кабана проблема заинтересовала в несколько ином аспекте. Ну, а если кабан, несмотря на отмеченные неудобства в желудке, проберется из лесу сквозь непоедаемые им сельскохозяйственные культуры и выскочит в поле или даже на кольцевую автомобильную дорогу? Что тогда? Ведь от кабана придется отстреливаться. А, собственно, чем?

Заведующий отделом В. Р. Журавский и старший научный сотрудник К. П. Мانتюшкин оглянулись окрест себя и убедились, что охотники не располагают оружием, отвечающим техническому уровню века. Не палить же по кабанам из всем надоевшего дробовика, двустволки или полуавтоматической боевой винтовки!

В. Р. Журавский и К. П. Мانتюшкин взялись за разработку новой модели. Справедливость требует отметить, что новый вид вооружения замыслился как универсальное средство, применимое в стрельбе не только по кабанам, но и по лосям, медведям, белкам, фазанам и тетеревам. С помощью анкет пытливые экспериментаторы опросили 3763 охотника, узнали их просьбы и пожелания. И вот по прошествии трех лет титанический труд был вчерне закончен. На Ижевском заводе изготовили опытный образец в единственном экземпляре. И тогда удивленным взорам любопытных предстала устаревшая конструкция, известная охотящемуся человечеству едва ли не со времен Карла IX: к обыкновенной двустволке был приделан третий ствол. Огорченные конструкторы махнули рукой на свое уродливое детище и занялись созданием новых видов капканов.

Впрочем, научные интересы лаборатории не так уж узки, как это может показаться вначале. Ученые заняты изучением не только кабаньих проблем. К примеру, отдел промыслового хозяйства Севера и охотничьих ресурсов занят изучением животных, обитающих под высокими широтами. И все было бы хорошо, если бы не одна деталь. Эти же вопросы разрабатывают организации, расположенные гораздо севернее лесного массива «Соловьиный остров»: Кандалакшский,

Лапландский, Кронлицкий заповедники, научно-исследовательский институт в Норильске, биологический институт в Магадане, научные центры Якутии.

А вот тема «Экология и хозяйственное использование зайца-беляка в центральных областях европейской части РСФСР» вполне оригинальна и самобытна. Ее выполняют заведующий отделом О. Я. Бегельбарский и старший научный сотрудник П. В. Тукмакова. Работа поставлена на широкую научную основу. Отведено целых три года на сбор сведений о численности зайца-беляка в указанных областях. Чтобы убыстрить дело, П. В. Тукмакова дважды выезжала в Ленинград в научную командировку и в тамошнем обществе охотников и рыболовов брала кое-какие цифры. К сожалению, на сегодняшний день лаборатория не может дать нам каких-либо рекомендаций по охране, воспроизводству и нормированной добыче зайца-беляка в охотохозяйствах. Это, судя по всему, дело далекого будущего. Пока сделано лишь несколько экологических наблюдений. В одном месте записок мы читаем, что численность зайца-беляка «в областях Северного региона находится в прямой зависимости от погоды в мае». А спустя несколько страниц авторы приходят почему-то к прямо противоположному выводу. «Численность зайцев,— опровергают сами себя ученые,— существенно не реагирует на ежегодные колебания погоды в этом месяце».

Мы были бы не совсем правы, если обошли молчанием большую группу работников лаборатории, посвятивших пернатым свои служебные часы. С целью проникновения в тайнства биологии размножения глухаря и тетерева научные сотрудники Н. Н. Иголятников, Л. М. Максименков, Д. Л. Кирметенкова проводили полевые работы в Бурятской АССР, в Тюменской и Архангельской областях. Вернулись радостные, загорелые, полные разнообразных впечатлений, раскрыли блокноты и тетрадки, сели писать отчет:

«Глухариный и тетеревиный ток — это не простые и случайные наборы особей птиц, а сложная организация с определенными присущими всем членам такого объединения традициями».

— И это все, что вы установили?

— Нет, почему же! — ответили научные сотрудники и принялись отчитываться дальше:

«Изучение биологии брачной жизни глухаря показало сложную структуру популяции и социальную иерархию токования у каждого самца и их размещение от центра к периферии в зависимости от возраста поющих петухов».

Ну, скажите же на милость, стоило ли ехать в Архангельск, не говоря уж об Улан-Удэ, чтобы сделать такие сносшибательные открытия о норвежских петухах?

...Некоторые научные сотрудники объясняют все эти неудачи в своей работе крайне неудобным расположением своей лаборатории:

— Разве это порядок, когда наше учреждение находится в трех километрах от кольцевой автомобильной дороги. Все мы живем в Москве, и до места приходится добираться в троллейбусах, трамваях, в электропоездах, тратить в один конец два, а то и три часа.

Быть может, эти товарищи надумали подаваться куда-нибудь на Север или на Восток, поближе к охотничьим факториям, к белым медведям, оленям, соболям, куницам и горностаям? Нет, подмосковный кабан вполне их устраивает. Многие поговаривают, что самым лучшим местопребыванием лаборатории является город Москва. Тут тебе и библиотеки, и Главохота, и кафе «Охотник», куда можно вложить средства, сэкономленные на дорожных расходах.

Ну, а если действительно попробовать изучать роль кабана в сельском хозяйстве области в районе Нового Арбата? Может, и в самом деле работа пойдет успешнее.

Только тогда надо очень внимательно приглядывать за кабаном, чтобы он невзначай не набросился на какого-нибудь зазевавшегося ездока вроде французского короля Карла IX.

ОБРАТНЫЙ РЕЙС

Маленького мальчика за обедом спросили:

— А знаешь, откуда берется черная икра?

Ответ был достаточно полным:

— Ее достают из больших рыб, немного присаливают, потом дают людям на закуску.

Если судить по данному примеру, взятому из семейного фольклора, то получится, что икорно-балычное производство — дело в общем-то простое, поскольку даже дети знают основные этапы рабочего цикла. (Достают из больших рыб, немного присаливают, потом дают людям на закуску.)

Таким, собственно, и представляется вопрос при первом знакомстве. Чего уж, кажется, проще? В путину рыболовецкие бригады вылавливают осетровых в водах Урала и сдают добычу на Гурьевский рыбоконсервный комбинат, в частности на плавучий пункт № 14. Здесь старший мастер-икрянщик Букенбай Нурмагалеев вместе со своим младшим братом мастером-икрянщиком Юлдузом извлекают из рыб икру, очищают от пленки. Тем временем к портовым причалам уже спешат суда из разных мест, чтобы взять готовую продукцию и полуфабрикаты.

В числе других собиралось в плавание и приемо-транспортное судно «ПТС-8» производственного объединения «Туркменрыбпром». Подготовка рейса в порту Красноводск шла полным ходом. Матрос Никита Ушатиков, к примеру, прихватил с собою шесть тысяч рублей, о чем и поставил в известность капитана Григория Скрипцова.

Капитан Скрипцов, сойдя на берег, поспешил к дежурному помощнику начальника городского отдела внутренних дел капитану милиции Альберту Пересыпкину. И проинформировал о странном поведении члена своего экипажа.

— Ушатиков — матрос бывалый, — заключил Пересыпкин после недолгого молчания. — Значит, ожидается дешевая икорка. Знаешь, захватите-ка и на мою долю.

Капитан милиции тут же отвалил капитану судна тысячу сто рублей:

— Купи побольше. Продукт все-таки ходовой. Намажешь один бутерброд, другой, в завтрак да в ужин, глядишь, и весь вышел...

Капитан Скрипцов заканчивал приготовления к плаванию уже в тесном контакте с бывалым матросом Ушатиковым. Темной ночью со склада «Туркменрыбпрома» они утащили двадцать шесть пустых бочек и два надувных спасательных плота общей стоимостью в тысячу двести двадцать пять рублей. Может, в море ожидался шторм невиданной силы и капитан Скрипцов готовился в случае бедствия эвакуировать судовое имущество на плотках, а членов экипажа отправить искать берегов в просмоленных бочках? К счастью, нет. Прогноз был на редкость спокойным, а похищенные плавсредства и тару замышлялось употребить для иных целей.

При легком попутном ветре «ПТС-8» отошел от причалов родного порта и без особых приключений прибыл в Гурьев. Загрузив в трюмы свежемороженых осетров для Красноводского рыбокомбината, капитан Скрипцов послал матроса Ушатикова в морскую разведку сориентироваться насчет икры. Тот вернулся радостный, возбужденный и доложил капитану:

— Есть, нашел!

Вдвоем отправились на плавучий пункт № 14, постучались в каюту уже известного нам старшего мастера-икрянщика Букенбая Нурмагалеева. Познакомились, прониклись друг к другу взаимным уважением. На свет явилась бутылка водки, которая и скрепила двустороннее соглашение:

— Икру в бочки, а деньги на бочку!

Букенбай Нурмагалеев брался продать пятьсот килограммов икры, а капитан с матросом — уплатить за килограмм по пять рублей. Обе стороны имели на этом свою выгоду. Морские люди рассчитывали перепродать икру спекулянтам рублей по пятнадцать. Братьям же икрянщикам икра вообще ничего не стоила: речь шла о государственном добре.

Но где же мог старший мастер в один день раздобыть полтонны неучтенной икры? Ответ на этот вопрос дают документы комплексной ревизии, проведенной на Гурьевском комбинате. Проверяющие отметили, что «приемо-сдаточные акты в бухгалтерии не регистрируются, хранятся в бессистемном порядке, что не гарантирует полноту учета количества актов и приемо-сдаточной документации».

Просмотрев 282 прямо-сдаточных акта за два месяца путины, ревизоры отметили, что «при доставке рыб осетровых пород с приемных пунктов до причала комбината обнаружен излишек в 655,29 и недостача в 75,73 центнера».

...Итак, ночью к плавучему пункту на моторной лодке подошли капитан Скрипцов со своим верным матросом, обменяли пустые бочки на полные и удалились в сторону моря.

Дальнейший путь приемно-транспортного судна лежал к брандвахте Гурьевской машинно-мелиоративной станции, известной среди всяких скупщиков-перекупщиков как черный рынок черной икры. Здесь коммерсанты купили у браконьеров еще 870 килограммов икры.

А в Красноводске ждал и не мог их дожждаться капитан милиции Альберт Пересыпкин. Много раз он выходил на берег, прикладывал ладонь к бровям и подолгу вглядывался в мгlistую даль. Наконец из диспетчерской он получил долгожданную весть: капитан Скрипцов подходит к порту. Но Пересыпкин прекрасно знал, что судно сразу в порт не пойдет, а сначала бросит якорь в обусловленном месте у пустынного берега близ поселка Аим.

Дальнейшие события развивались с быстротой детектива со спружиненным донельзя сюжетом. Альберт Пересыпкин на грузовой машине (кстати, нанятой частным путем в автобазе № 1) помчался к поселку Аим и, дождавшись ночи, подал сигнал фонарем: две короткие вспышки и три длинные. В море зажегся ответный свет:

— Принято, понято!

Скрипцов и Ушатиков привязали спасательные плоты к моторной лодке, устали их бочками, прихватили еще пятнадцать свежемороженых осетров и поплыли к берегу навстречу настрадавшемуся в ожиданиях Пересыпкину.

— Икру вы скупили у жуликов, она за вами не числилась. Но вы обязаны были сдать на рыбокомбинат эти пятнадцать осетров. Как же намеревались выйти из положения, объяснить недостачу? — спросили потом у капитана.

Капитан Скрипцов ответил:

— Никакой недостачи не могло быть. Нам дается два процента естественной убыли. Я вполне укладывался в эту графу...

Вот вам опять всякие официальные допуски, завышенные нормы, дутые проценты допустимой убыли, которые оборачиваются немалой прибылью для всяких ловчил и спекулянтов...

Тем временем машина, в которую погрузили 15 осетров, 26 бочек и 45 банок икры, помчалась в Красноводск, а капитан Скрипцов повел свое судно в порт. Тиха была прикаспийская ночь. Вдруг на дороге появились люди, дали предупредительную ракету, предложили остановиться. Но грузовик, едва не смяв людей, прорвал заслон. Уйти, однако, не удалось.

Что говорить, операцию по задержанию перекупщиков работники Востоккаспрыбвода, инспекции Красноводского заповедника, линейного отдела милиции и городского отдела внутренних дел провели образцово. Если б не одно досадное обстоятельство...

Когда задержанных увезли в город, оставшиеся у машины члены оперативной группы стали составлять опись обнаруженного груза. И вот сотрудник охраны заповедника Д. Голобородько, старший моторист П. Арузманиян, инспекторы Востоккаспрыбвода В. Журавников, Ю. Туманчиков, работник милиции Р. Хайдарнепесов не смогли удержаться от соблазна и вознамерились малость попользоваться захваченной икрой. Двадцать пять бочек указали в акте, а двадцать шесть откатили в сторонку и спрятали.

Ну а вся остальная икра была сдана в холодильник Красноводского рыбокомбината, где она хранилась... Здесь нам придется оборвать фразу. Рука по инерции сложившегося стандарта так и тянулась написать «хранилась в целости и сохранности». Увы, мы бы тогда покровили душой, потому что в холодильнике две банки икры сначала пропали, потом после долгих поисков нашлись с тем, чтобы исчезнуть уже окончательно и бесповоротно.

Тем временем прибывшие из Москвы научные сотрудники института эпидемиологии и микробиологии обнаружили в икре возбудитель ботулизма и почти полторы тонны черной икры на радость обитателям окрестных птицеферм пришлось перемолоть на кормовую муку. Да и как не быть в этой икре разным зловредным возбудителям, если она добывалась и перевозилась в антисанитарных условиях и представляла серьезную угрозу для здоровья людей! Пусть-ка над этим хорошенько поразмыслят любители поживиться «дешевой» браконьерской икоркой...

Когда в Главрыбводе прослышали о хищениях на Гурьевском рыбоконсервном комбинате, решено было послать на место заместителя начальника одного из отделов М. М. Толстикова и старшего инспектора С. Я. Насреддинова. Руководители Уралкаспрыбвода встретили посланцев главка хлебосольно и добросердечно. Было много ухи и всяких прочих удовольствий. Весьма импозантный вид имели М. М. Толстиков и С. Я. Насреддинов, появившись на перроне московского аэропорта «Домодедово» после инспекционной поездки по реке Урал. Из многочисленных сеток и сумок, которыми были увешаны вернувшиеся, во все стороны торчали рыбы хвосты. Семнадцать килограммов одной только черной икры подарили благодарные ревизуемые не очень строгим столичным инспекторам.

Как видим, и в данном случае в роли лиц, покусившихся на общественное добро, выступали именно те, которые по долгу своей службы должны были его оберегать и охранять. Но вот беда, почуяв наживу, они прилипали к икре, как мухи к мухомору, и уже никакие силы не могли их заставить опомниться, отряхнуться от грязи.

Кстати, «грязью» на преступном жаргоне называется черная икра.

— Есть грязь? — шепотом спрашивал капитан Скрипцов у старшего мастера-икрянщика Нурмагалеева.

— Есть грязь! — подмигивал тот в ответ.

Грязь действительно есть. И все потому, что некоторым ответственным товарищам ведение нашего хозяйства представляется таким же простым и безхитростным делом, как нашему маленькому мальчику:

— Икру достают из больших рыб, немного присаливают, потом дают людям на закуску.

И стараются не замечать, сколько к этому тонкому и дорогому продукту тянется грязных, загнувших рук.

СЕМЬ ТАКТОВ ПАУЗЫ

Не будет новостью сообщить, что определенную часть нашей почты составляют впечатления ресторанных гостей от всего ими съеденного, увиденного и пережитого. Впечатления, прямо скажем, не всегда бывают восторженными. Вот почему письмо инженера Б. В. Макарова, посетившего ресторан вместе с сыновьями Вовой и Витей девяти и семи лет от роду, заняло несколько обособленное место в нашей гастрономической переписке.

Вряд ли стоит перечислять во всех подробностях, что кушали Макаровы на первое, второе и третье, — это увело бы нас в сторону от разговора. Отметим лишь, что кухня Борису Васильевичу понравилась, а когда к столу был подан остужающий кофе глясе, началась музыкальная программа. На эстраде, возвышавшейся за фонтаном, возник человек, и зал огласился жизнерадостным пением об улицах Питерской и Тверской-Ямской.

Пока официант, удалившись к кассе, подсчитывал убытки, понесенные семьей Макаровых, папа разрешил детям добежать до фонтана и поглядеть, не плавают ли вокруг золотые рыбки. Никаких рыбок не оказалось, но информация, добытая детьми в фонтанно-эстрадном микрорайоне, не исчерпывалась только этим.

— Дяденька, который поет, на самом деле не поет, а просто открывает рот, — сообщил Вова. — Он лодырь?

Отец погрозил сыну пальцем и прислушался к пению.

— Батюшки, да ведь это голос Муслима! — воскликнул он, с удивлением разглядывая толстого рыжебородого певца, свободно гаулирующего вокруг микрофона.

Борису Васильевичу вдруг вспомнилась частушка из далекого детства:

Сидит парень на бульваре
И играет на гитаре.
То по струнам, то по пальцам,
То по ниткам, то по пальцам...

На эстраде между тем происходили и другие странные вещи. Духовик даже не касался губами своей трубы, руководитель ансамбля рассеянно крестил тремя пальцами деку банджо, скрипач, мерно покачивая головой, выдерживал семь тактов паузы, и лишь ударник, потирая маракасами, извлекал из этого экзотического инструмента реальный гороховый перестук.

— М-да, — изумленно молвил Борис Васильевич.

Впрочем, инженер Макаров быстро сообразил, что ресторанный джаз-банд, дурача публику, прокручивал обыкновенный магнитофон.

«В популярном телевизионном «Кабачке 13 стульев» хоть объявляют, кто открывает рот, а кто исполняет песню, — писал нам Борис Васильевич. — А тут истинные творцы остаются за кадром, будто их и не существует вовсе. Кстати, такое встречается не только на ресторанный эстраде. Бывает, и у нас на заводе красуется на виду у публики вовсе не тот, кто делает дело в цехе, а тот, кто в надлежащий момент умеет вовремя открывать рот».

К сожалению, Б. В. Макаров, подбросивший нам тему для размышлений, своего адреса не оставил, не указал также места работы. Какие он имел в виду факты? Где, наконец, такие эстрадные фокусы проходят?

Однако и без его помощи конкретные адреса установить нетрудно. То здесь, то там попадаются работнички, которые не прочь все тяготы трудов взвалить на других, а их заслуги приписать себе.

Обратимся хотя бы к такому невинному занятию, как разведение кроликов. Наш кроличий сюжет можно начать словами поэта: «Прибежали в избу дети, второпях зовут отца...»

— В чем дело? — удивился Иван Алексеевич. — Почему так рано из школы?

— Полина Семеновна нас выгнала из класса...

— Бездельничали! — рассердился отец. — Хулиганили, не знали уроков?

Оказывается, ничего подобного. Вася и Люба Дубенины учились в школе села Полугайское прилежно, вели себя неплохо. Но вот недавно учительница П. С. Хлобастянина велела каждому ученику принести по кролику. А когда срок кроличьего ультиматума истек, то с ведома директора школы Г. О. Базиливской она выставила нарушителей с уроков:

— Пока не будет кроликов, и не думайте появляться в классе...

Веря и не веря тому, что случилось, Иван Алексеевич спешит в школу.

— Чему же вы удивляетесь? — стыдит растерянного отца учительница Хлобystянина. — Детей предупреждали по-хорошему...

— Хоть предупреждайте, хоть нет, но где же они возьмут кроликов?

— Их должны дать своим детям родители.

— Как родители?

Может, конечно, кто и разводит кроликов, если есть у них к тому возможность. Что же касается И. А. Дубенина, то в данной местности он человек новый, живет с семьей пока в общежитии. Ему ли сейчас заводить персональный крольчатник?

— Каждый ученик обязан сдать по кролику, — твердит Полина Семеновна. — Эту инициативу одобрил райком. Сознательные родители покупают кроликов на стороне.

Делать нечего, и Иван Алексеевич субботним утром отправился на рынок. Верно ориентировали учителя, кроликов в мясном ряду и в самом деле много. Только вот продавцы просят по двенадцать рублей за голову. Накладно, если учесть, что в семье Дубениных есть еще и третья школьница — младшая дочка Виктория.

Явился Иван Алексеевич домой с пустой корзиной и сел писать письмо в редакцию: «Для детей, конечно, ничего не жалко. Не будешь же их оставлять без ученья из-за какого-то кролика. Ну, а если завтра кому-нибудь придет в голову идея, чтобы каждый первоклассник пригнал поросенка, а ученики постарше привели по взрослому козлу? Что же тогда делать родителям? Брать под этого козла сверхурочные работы?»

Мы разговаривали с секретарями райкома партии Б. Г. Бороненковым и П. Е. Рождественским. Действительно, год назад райком одобрил инициативу некоторых школ, создавших небольшие кроличьи фермы. Затем дело пустило на самотек. Никто не поинтересовался, где созданы уголки юннатов, а где нет. Руководителям школы села Полугайского создавать ферму показалось делом обременительным, хлопотливым. И вот родилась спасительная мысль: пусть родители купят кроликов, а в отчетах в районо можно показать, будто их вырастили ребята в живом школьном уголке.

После вмешательства редакции в школе проведено партийное собрание с участием представителей райкома и районо. Учительнице П. С. Хлобystяниной объявили выговор, отстранили ее от обязанностей классного руководителя. По указанию райкома районо категорически запретил школам кроличьи поборы с родителей.

Надо полагать, в Полугайской школе создадут теперь свою ферму. Будет совсем неплохо, если школьники своими силами построят крольчатник. А чтобы он имел самые изящные формы и современный интерьер, советуем ребятам обратиться за помощью во Всесоюзный научно-исследовательский институт технической эстетики.

Институт этот обладает большими возможностями, в нем работает около двух тысяч человек, в том числе пятьсот пятнадцать научных работников. Но и на старуху бывает проруха. Вот, например, два года сотрудники проводили художественно-конструкторские разработки мебели для аптек. А не получилось! Увидели шкафы и полки фармацевты, расстроились, разволновались, благо валокордин был у них под рукой.

Но, наверное, институт сможет выдать и неплохую документацию на тот же крольчатник, если специалисты по эстетике передадут работу кому-нибудь на стороне. Такое здесь практикуется. Художественно-конструкторскую документацию на пассажирские суда, автомобили, мотоциклы, холодильники и другие изделия на сумму в 782 тысячи рублей разрабатывали две посторонние фирмы. Тем не менее все эти деньги включены в годовой отчет о выполнении плана институтом. И это не единичный случай, когда работают разные технические поденщики, а руководители института выходят на эстраду, принимают поздравления и раскланиваются во все стороны.

...Мы хотели было поставить точку в этом фельетоне, когда в редакцию пришел пенсионер П. Н. Подхомутников, рассказал, что он давно собирает фотографии с видами своего родного города.

— Вы принесли вашу коллекцию? — спросили мы, заметив, что посетитель держит в руках толстую папку.

— Что вы! — улыбнулся Павел Николаевич. — Здесь всего лишь небольшая частичка собрания. Чудесный уголок: новый Дворец культуры. Прекрасное здание. Удобное. Легкое. Радующее глаз...

Собиратель раскрыл папку, и на стол явились фотографии Дворца. В цвете и в черно-белом исполнении они были сделаны ранним утром, днем и поздним вечером с разных точек: от самых ступенек, с мостовой, с крыш соседних зданий, с птичьего полета.

— Наша городская газета шесть раз помещала снимки дворца, — сказал Петр Николаевич. — И под каждым из них подпись корреспондентов. При современной оптике и прекрасном качестве фотопленки сфотографировать неподвижный объект не так уж сложно, хотя и не стану отрицать, что каждое дело требует мастерства. Но обратите внимание, этот дворец проектировали совсем молодые ребята, вчерашние студенты. Почему же редакция не догадалась не только рассказать о наших городских архитекторах, но даже упомянуть их фамилии?

Вряд ли фотокорреспонденты злонамеренно хотят покуситься на славу этих ребят, создавших Дворец культуры. Просто у нас еще не всегда считают важным воздавать каждому по истинным заслугам. И совсем уж нелепа ситуация, когда один выдерживает семь тактов паузы, в то время как другой трудится в поте лица, но все почести достаются первому, а не второму.

Такое разделение труда не только несправедливо, но к тому же и антипедагогично. Это понимают даже дети Вова и Витя, обнаружившие, что певец на ресторанной эстраде только открывает рот, хотя и получает оплату сполна.

НЕДОГРУЗ, ПЕРЕГРУЗ...

Беремся со всей ответственностью утверждать, что весы являются важным инструментом познания окружающей действительности. В наш век, который, помимо всего прочего, можно еще назвать и веком сверхточных измерений, никак нельзя определять количество веществ на глазок. Это чревато рядом ошибок и диспропорций: все следует делать по науке.

Весы, на которые теперь мы хотим обратить внимание читателя, находятся в поселке городского типа Васильево, а если говорить конкретнее, то на здешнем заводе строительных материалов. Упомянутые весы не отличаются высоким классом точности. Это обыкновенные автомобильные весы, построенные десять, а может, и все двадцать лет назад.

При весах состоит работник Козорезкин Серапион Григорьевич. Работа у него хотя и пыльная, но не очень обременительная. В иные дни через весы проходят десять — двенадцать машин с известью и мелом, из которых потом материал пересыпают в вагоны. Записать в соответствующую книгу «брутто» и «нетто» — минутное дело. Ну, а дальше, пока идет погрузка в вагоны, можно поразмышлять о том, о сем, о пятом, о десятом, полюбоваться живописным видом окрестных меловых холмов.

Впрочем, не будем упрощать. Должность у весовщика весьма ответственная, требует собранности, аккуратности и внимания. Машины через весы проходят разные, да и вагоны подаются на площадку не одинаковой грузоподъемности. Конечно, если правильно определить вес машины и подсчитать, сколько мела надо насыпать в тот или иной вагон, то никакой накладки не будет. А вот у С. Г. Козорезкина получалось как-то не так. То в двухосный вагон отмерит извести на четыре тонны больше нормы, то в четырехосный недовесит три тонны мела. Это одинаково плохо: нельзя загружать вагоны больше, чем полагается, а перевозить воздух — и неразумно и убыточно.

Железная дорога, надо заметить, также взвешивает вагоны и, если обнаруживает нарушения, возвращает их на завод:

— В этот добавьте три тонны, отсюда отсыпьте четыре...

Дирекцию завода всерьез беспокоили прорывы и проколы на весовом фронте. Издавались приказы, писались инструкции и поста-

новления. Не помогало. С Козорезкиным проводились беседы. Его обсуждали на собраниях, наказывали. Никакого толка. Вагоны по-прежнему возвращались с железнодорожной станции с краткими надписями на бортах: «перегруз», «недогруз».

И тут местных умельцев осенила счастливая идея: дать старым автомобильным весам отставку. Группа рационализаторов — механик Д. В. Кумбертонов, токарь Р. Н. Залесский, электрик Б. Б. Подключников, сварщик З. И. Протопопов, грузчик А. Я. Козловских — сконструировали на погрузочном транспорте автоматический счетчик. Надо погрузить, скажем, шестьдесят тонн мела, стоит лишь заранее установить необходимые данные на счетчике. В нужный момент автоматическое устройство отключает погрузочный транспортер. Просто, точно, и никаких забот!

Автоматический счетчик был проверен в деле и результаты оказались отменные. Если раньше вагон грузили за четыре часа, то теперь стали успешно управляться за два с половиной.

Это сулило немалую экономическую выгоду. К тому же совсем не стало штрафов, а раньше за возврат вагонов приходилось платить ни мало ни много — три тысячи рублей в квартал.

Теперь весовщик С. Г. Козорезкин сидел в будочке у своих весов, через которые уже давным-давно не проходили самосвалы, и вздыхал, терпеливо дожидаясь дней, по которым выдавали зарплату. В конце концов ему предложили несколько должностей на выбор тут же, на заводе. Он наотрез отказался:

— Мое здоровье позволяет мне находиться лишь здесь, при весах.

Предлагали устроиться на других предприятиях.

— Хочу работать только здесь, — заявил он.

В связи с введением автоматики приказом директора должность весовщика была упразднена, а поскольку он упорно отказывался переходить на другую работу, то последовал новый приказ:

«Уволить С. Г. Козорезкина по сокращению штатов с выплатой выходного пособия».

Отлученный от выключенных автомобильных весов С. Г. Козорезкин обратил свой взор к другим весам — весам Фемиды. А надо сказать, что на этих весах С. Г. Козорезкин неоднократно взвешивался сам, а еще больше взвешивал других. Вот почему все его достоинства и недостатки были многократно выверены со всей скрупулезностью и ответственностью.

Много лет тому назад С. Г. Козорезкин был выдворен из органов милиции и исключен из партии за пьянку и утрату оружия. Поступил на цементный завод старшим смены охраны. Уволен через четыре месяца за самовольное оставление службы.

В это же время суд привлек его к уголовной ответственности за избиение жены Козорезкиной-Портновой, приговорив домашнего хулигана к тремстам рублям штрафа. Штраф он не уплатил, но подал

в суд на цементный завод, откуда его уволили. Через суд восстановился в охрану и тут же вчинил заводской бухгалтерии иск на 55 рублей. Почти одновременно вел тяжбу с районной газетой «Знамя», поместившей о нем критический материал. Несмотря на крайнюю загруженность беготней по инстанциям, С. Г. Козорезкин еще находил время драться с женой. Победа оказалась на его стороне, он вышвырнул Козорезкину-Портнову на улицу. Суд, однако, вынес решение о ее принудительном вселении в квартиру. Затем в судебном порядке с Козорезкина взыскали алименты на детей.

В дальнейшем мы опять видим Козорезкина в роли истца. Один за другим он подал шесть заявлений в суд, призывая в ответчики завод: то его якобы зря увольняли с работы, то необоснованно лишили тринадцатой зарплаты, то при каких-то обстоятельствах кассир не доплатил шестьдесят пять копеек...

И вот теперь опять С. Г. Козорезкин явился в народный суд Васильевского района:

— Требую восстановить меня в прежней должности!

В который уж раз поднимаются материалы, изучаются документы, опрашиваются свидетели. На одной чаше весов, которые держит в руках Фемида, — пытливый труд рационализаторов, забота рабочих о дальнейшем росте производства, о внедрении новых прогрессивных методов труда, а на другой чаше — сугубо личные интересы одного человека, окостенелого в своем развитии, упорно не желающего идти в ногу со всем коллективом...

И Васильевский народный районный суд вынес решение: в иске бывшему весовщику отказать.

Но не таков С. Г. Козорезкин, чтобы успокоиться, уgomониться. Из поселка Васильево во все концы резвой стаей выпорхнули новые жалобы.

Дело С. Г. Козорезкина на этот раз было поручено рассмотреть заново соседнему Митрофановскому суду. Видимо, при новом судебном разбирательстве у богини правосудия были уж слишком туго завязаны глаза. И чаша весов Фемиды, где стоял бывший весовщик, здесь почему-то перевесила. Суд вынес решение:

«С. Г. Козорезкина в должности восстановить».

А что значит «восстановить в должности»? Это значит восстановить и самую должность, упраздненную отнюдь не росчерком директорского пера, а самой жизнью, производственной необходимостью...

На основании судебного решения С. Г. Козорезкин явился на завод и занял свое место в будочке у бездействующих автомобильных весов. А машины шли мимо к транспортерам с автоматическим устройством. Весовщик почесывал в затылке и поплевывал в потолок. Пробежал месяц, второй, третий, четвертый...

На днях мы побывали на заводе строительных материалов и застали совсем другую картину. Автомобильные весы снова пошли в дело, а рационализаторы демонтировали свое автоматическое устройство и сдали детали на склад.

— Возможно, мы поступили и неправильно, — говорит директор предприятия А. П. Гусельников, — но поскольку суд восстановил Козорезкина в должности весовщика, то мы обязаны обеспечить его работой. Иначе опять нас потребуют в суд. Вот и пришлось вернуться к прежней практике...

Мы беседовали с председателем завкома, с инженерами, с мастерами, с рабочими. Все они удивляются создавшемуся положению на заводе, ищут и не находят аналогий.

— Можно ли встретить, к примеру, в канцелярии, оснащенной электрическими пишущими машинками, какого-нибудь ветхозаветного деда, переписывающего документы гусиным пером? — спросил нас механик Д. В. Кумбертонов. — Или в таксомоторном парке — извозчика, который так же, как и дед, упорно отказывается осваивать новую профессию и требует удовлетворения в законном порядке своих прав работать по старинке?

Грузчик-рационализатор А. Я. Козловских сказал:

— По мере развития производства отсталая техника должна заменяться новой, передовой. Это же элементарно. А вот нам пришлось ликвидировать свое автоматическое устройство, над созданием которого мы бились столько дней и ночей. Кто-то же все-таки должен взвешивать все «за» и «против». А так, разве это дело?

Нет, конечно, совсем не дело.

Ну, а пока машины опять пошли через старые автомобильные весы. И опять железная дорога накладывает штрафы на завод, возвращая вагоны с краткими надписями на бортах: «недогруз», «перегруз».

БЫЛ ТАКОЙ ОБРАЗЦОВЫЙ ДИРЕКТОР...

А за глаза его называли иначе:

— Оборотистый человек. Проворный...

И даже:

— Ловкач. Воротила...

Но в объединении «Якутзолото» Василия Петровича Кутейникова, директора прииска Булар, хвалили, ставили в пример. А как же! Другие хозяйственники вечно побираются, хнычут. То у них не хватает металла, то двигатели отработали ресурсы, подавай им новые. А с Василием Петровичем ни забот, ни хлопот: ничего не просит. Заглянешь к нему на склад — аж глаза разбегаются. Все у него есть в наличии. И впрок. И на всякий случай...

Товарищи из министерства решили двигать вперед такого инициативного работника. Его перебросили в Хабаровск, назначили директором целого объединения.

Впрочем, если б министерские руководители обладали более проницательным взором, они наверняка бы заприметили не столько В. П. Кутейникова, сколько его подчиненного А. С. Бирюкова.

Об Андрее Севастьяновиче в двух словах и не расскажешь. Это человек-легенда. Мастер на все руки. И швец и жнец... Словом, самородок на золотомосном приiske Булар.

Подобно Юлию Цезарю, Бирюков делал сразу три дела, причем таких сложных, какие великому римлянину и во сне не снились. В один и тот же час в старательской артели «Яна» А. С. Бирюков взбирался в кабину бульдозера, на шахте «Энтузиастов» вставал за пульт управления насосной установки, а в конторе прииска заходил в служебный кабинет и принимался исполнять обязанности инженера по снабжению.

Когда прииску надо было получать материалы в плановом порядке, Андрей Севастьянович томился за рабочим столом, лениво поглядывал на потолок и вычерчивал на чистых титульных бланках немыслимые кривые, треугольники и лошадиные гривы. Но вдруг что-то такое стопорилось, пружины не срабатывали и колесики сложного снабженческого механизма переставали крутиться в нужном направлении. В эти трудные минуты директор прииска вызывал к себе бульдозериста-машиниста-инженера и говорил:

— Заявок нам не утвердили, фонды скосили. А материал нужен позарез. Разбейся в лепешку, но достань!

В лепешку Бирюков не разбивался, но достать обещал. Он мчался в аэропорт и с первым же самолетом улетал в столицу. После умеренного аэрофлотского завтрака, поданного улыбчивой стюардессой, Андрей Севастьянович погружался в тягостные раздумья.

— Так-с, металл, — бормотал себе под нос полномочный представитель прииска, — кто же может устроить сталь и трубы? Ах, вот — вспомнил! Ну конечно же, вопрос решит Алексеев Дмитрий Никифорович.

Кто же он, этот всемогущий товарищ? Руководитель Союзглавметалла? Заместитель председателя Госснаба? Министр?

Д. Н. Алексеев трудился слесарем в объединении «Азот». Но этот незаметный работник мог услужить прииску не хуже самого министра. К министру нужно еще суметь проникнуть, добиться положительной резолюции, потом ждать, пока она через седьмые руки попадет к непосредственному исполнителю. А тут дел всего ничего — бутылка имбирной настойки, два граненых стакана да соленый огурец. Между выпивкой и закуской таежный искуситель выяснил, что за какие-то сорок рублей Алексеев беретсЯ утащить хоть половину своего химического предприятия. Испрошенная сумма тут же была

вручена Алексею, а наутро он, опохмелившись, и «решил вопрос». Подделал в требованиях подпись начальника цеха и кладовщика, будто ему поручено доставить груз со склада к рабочему месту. И через проходную «Азота» выволок тонну листовой стали, пятьсот погонных метров нержавеющей труб, семь ящиков электродов.

Поскольку никто из должностных лиц объединения не заметил, что пропала такая уйма строго фондируемого материала, эксперимент решили продолжить. На свет опять явилась бутылка имбирной настойки в сопровождении того же минимального набора закусочного материала. А вскоре новая партия труб, листовой стали и электродов, благополучно миновав проходную объединения «Азот», полетела через всю страну в Якутию на прииск Булар.

А директор В. П. Кутейников снова снарядил своего подчиненного в неблизкую дорогу: потребовалась мебель. И инженер по снабжению Бирюков снова полетел в столицу. Тут представитель Якутии постучался в двери, за которыми восседал заместитель директора завода металлической мебели по снабжению и сбыту П. П. Аверкин. Между владельцем кабинета и посетителем тут же возникли доверительные отношения. Посетитель передал заместителю директора 650 рублей, а заместитель отпустил безо всяких разрядок мебели почти на шестьдесят тысяч:

— Получайте и грузите!

Как видим, деятельность инженера по снабжению Бирюкова нельзя не признать плодотворной. Ну, а сколько же грунта переместил в артели «Яна» бульдозерист Бирюков и как много воды откачал машинист Бирюков на шахте? Да насколько! И там и тут Андрей Севастьянович появлялся лишь в выплатные дни, расписывался в ведомостях и исчезал. В штат артели и шахты Севастьянов был зачислен по распоряжению начальника прииска фиктивно. Реальная зарплата, получаемая Бирюковым, никем не присваивалась и не пропивалась. Деньгам велся строгий учет. Они шли на взятки столичным хапугам. В этот же взяткодательный фонд поступали и обильные премии, которые выплачивались в трех местах бульдозеристу-машинисту-инженеру из фондов экономического стимулирования.

— А как же иначе? Не из своего же кармана платить? Ведь материалы достаются не для себя, для прииска!

На первый взгляд процесс доставания выглядел очень простым, прямолинейным. Бирюков заходил в кабинет должностного лица, вручал взятку и получал, что просил.

Так неужто всюду берут?

Нет, берут далеко не всюду. В иных организациях среди сотен честных сотрудников находилась одна гнилая алчная душа, готовая за копейку догнать зайца в чистом поле, а уж за полтинник — мать родную продать. И вот именно эту растленную душу безошибочно

находил А. С. Бирюков. Что же это: чудесный дар ясновидения, телепатия, действие не до конца еще познанного лунатизма, житейская интуиция?

Впрочем, хорошо известно, что матерью всякой интуиции является хорошо поставленная информация. Обмен опытом проходит не только в кабинетах и конференц-залах, но в коридорах и приемных, где день-деньской отираются толкачи. А среди них есть такие маги и кудесники, которые на трубах да на электродах собаку съели.

— Иванов — человек крутой, выгонит взащей.

— Петров не просто выгонит, но и позвонит прокурору.

— Сидоров под вопросом. Дорожки к нему пока не протоптали.

— А вот Васильев берет. Сыпь только в лапу побольше: кашу маслом не испортишь.

И ходатай с прииска Булар устремлялся к Васильеву.

В. А. Васильев, старший инженер отдела экспорта запасных частей и комплектации всесоюзного объединения «Союзглавстройдормашзагранпоставка» (какая только умная голова выдумывает такие названия для организаций. — И. Ш.), действительно берет. И берет не один, а под руководством заместителя начальника своего отдела В. А. Косарева.

— Что желаете? — спросили у посетителя два деятеля из учреждения с таким впечатляющим названием.

— Подшипники к бульдозерам и экскаваторам.

— Наличие есть?

Сто пятьдесят рублей, очутившиеся в карманах Косарева и Васильева, привели в действие невидимые миру рычаги. И вот предприятия министерства гостеприимно распахнули свои кладовые перед Бирюковым:

— Приезжайте и получайте!

— В чем еще нуждается славный прииск Булар? — спросили у Бирюкова Косарев и Васильев при новой встрече.

— В машинах грузовых и легковых.

— Дело стоящее, — молвил Косарев. — И стоять будет недешево.

Бирюков тут же вручил собеседникам семьдесят пять рублей на расписочные цели.

— Сиротские слезы, — скривился Косарев, не отказываясь, однако, от денег. — Тут сами мы не справимся. Надо подключать одну влиятельную особу.

Представитель прииска добавил еще пятьсот рублей.

— Негусто, — отметил Косарев. — Из-за такого мизера влиятельная особа мараться не станет...

Влиятельная особа стала мараться, когда Бирюков, вернувшись домой, перевел телеграфом еще полторы тысячи. Эта особа занимала должность тоже с мудреным названием — старший инженер отдела

ресурсов и снабжения строительно-подъемного и транспортного оборудования управления снабжения межотраслевых связей по продукции тяжелого машиностроения Госснаба. Ну, а если выразиться проще и по существу, то В. В. Солодов, занимавший этот пост, был такой же хапуга, как Косарев с Васильевым. Компания взяточников состряпала документ, пустила его по соответствующим каналам, и вот результат: на приiske Булар появились легковая машина и два грузовика.

А руководителю прииска В. П. Кутейникову, как той жадной старушке из пушкинской сказки про золотую рыбку, все было мало. Он по-прежнему вызывал своего braveго обеспечителя и приказывал:

— Достань это! Привези то!

«Образцовый» директор чувствовал себя в полнейшей безопасности. Какой с него спрос? Взятки он не вручает, о левых поставках сам не договаривается. Правда, есть кое-какие штатные нарушения. Но у кого по нынешним временам не обнаружится мертвых душ? А с кем водится в Москве его работник Бирюков, кому платит, он и знать не знает. Никого не видел, ни о чем не слышал и вообще ни с кем не знаком.

Но вот совсем недавно у бывшего директора прииска Булар появилась возможность лично познакомиться с бывшими работниками столичных снабженческих организаций В. А. Васильевым, В. А. Косаревым, В. В. Солодовым и другими упомянутыми здесь лицами.

Такие заметные фигуры могли украсить собою если не совещание в министерстве, то на худой конец симпозиум в главке. Но как верно уже догадались читатели, неожиданное знакомство состоялось в зале судебного заседания.

На суде выяснилось, что не только директор прииска Булар пользовался услугами взяточников. Находились и другие «образцовые» хозяйственники, которые за ценой не стояли. А Васильев, Косарев, Солодов распределяли технику вовсе не тем, кому она предназначалась и была по-настоящему нужна. За две тысячи эта банда спланировала налево экскаватор и автокран, за пять тысяч трактор, бульдозер и четыре автомашины попали совсем не по адресу...

В заключение очень бы хотелось пожелать, чтобы эта весьма полезная и поучительная встреча взятокдателей и взятополучателей и последовавший вслед за нею строгий приговор дали бы пищу для размышлений иным руководителям иных ведомств, министерств. Особенно тем, которые, представьте себе, не знали, не ведали, какой мерзкий торг шел в стенах их учреждений. И пусть вслед за размышлениями немедленно последуют и выводы. Ведь пока не будет покончено с беспечностью, ротозейством, мы не сможем говорить о комбинаторах и взяточниках применительно лишь к давно прошедшему времени.

А как хочется сказать:

— Был такой «образцовый» директор. Были такие горе-распределители материалов, которые распределяли себе в карман... Были да все сплыли!

СКВОЗЬ ПРОСТОРЫ ШТОРМОВЫЕ

(Опыт современного мореплавания)

В наши дни Колумбов, открывающих новые материки и архипелаги, до обидного мало. За последнее время резко сократился поток командированных лиц, следующих из порта А в порт Б по сугубо служебным надобностям: они предпочитают более современные средства передвижения: самолет, поезд, автомобиль. И тем не менее жизнь на морях не затухает. В проливах, бухтах, а также в открытом море слышатся веселые шутки, песни, смех.

Основную массу плывущих из варяг в греки (путешествие вокруг Европы от Риги до Одессы или наоборот) составляют теперь туристы, или, точнее, круисты, а уж если говорить совсем точно, круистики. Социологам придется еще немало поломать головы, чтобы найти ответ, почему в нынешних условиях женщин тянет путешествовать гораздо сильнее, чем мужчин. Вот, например, в нашей московской группе из сорока человек были тридцать две представительницы прекрасного пола. Не находя достаточного количества собеседников на пассажирских палубах, круистики дефилировали вокруг капитанского мостика, заглядывали в служебные помещения моряков, чем в значительной степени осложняли процесс судовождения.

Круистом может стать каждый, если ему посчастливится достать путевку. На это времени требуется все-таки меньше, чем на подготовку китобойной флотилии «Юрий Долгорукий» к плаванию в южные моря. Надо побывать в райкоме, горкоме ЦК профсоюза, обегать врачей, профессоров, сделать прививки против оспы, scarлатины, коклюша, заполнить всякие анкеты на русском и иностранных языках, запастись справками на любой случай жизни. И если вы не утонете в море бумажном, то можете без страха и сомнения выплывать в Мировой океан, предварительно запасшись всеми вещами, необходимыми вам в дорогу.

Люди берут с собою самые разнообразные предметы. Один московский профессор прихватил фунт песку, опасаясь, как бы на теплоходе не возникли вдруг перебои с сахаром. Этот же профессор на берегу весьма удачно прикидывался глухонемым, поскольку не владел ни одним из многих языков, принятых к хождению в странах Средиземноморья.

Еще одна очень важная проблема, которую надо решить путешествующим, — это валютная. В Греции я поменял доллары на драхмы, в Ла-Валлете их весьма неохотно взяли за мальтийские фунты, фунты затем пришлось обращаться в итальянские лиры. Словом, пока я добрался до Лазурного берега, у меня осталось десять франков, которые я благополучно проиграл в Монте-Карло. Меня несколько успокаивало то обстоятельство, что за тем же столиком бывший египетский король Фарук когда-то проиграл несколько больше — 20 миллионов франков.

В общем, правильно говорят, что круисты едут за моря вовсе не для того, чтобы обмохериться (купить мохеру на барахолке в итальянском порту Чевитавеккия), а чтобы посмотреть разные диковины.

Первая же диковина встретилась нам уже в Одессе. На лестничной клетке гостиницы, в которой мы остановились, нам бросилось в глаза большое объявление: «Лифт вниз не поднимает».

Участники еще не начавшегося круиза немедленно срисовали удивительный текст в свои блокноты. И правильно сделали. Потому что путешественники должны вести дневники, куда нужно записывать все, что увидят, а главным образом то, что услышат от гидов. Осмысливать и обобщать познанное круистам некогда. Поэтому они записывают все подряд: название столиц и цены на арахис, последних представителей свергнутых императорских династий и анекдоты, рассказанные соседями по каюте. Добытую информацию круисты вовсе не собираются держать при себе, они спешат со всей щедростью поделиться с друзьями и родственниками, оставшимися дома.

Вот почему у окошка судового телеграфа всегда была очередь. И каждую минуту куча самых разношерстных сведений уходила с моря на материк:

«тумане скрылась милая одесса тчк бар квч пингвин квч открылся точно по расписанию одиннадцать ноль тире ноль тчк»

«море синее тире синее тчк суровый капитан ведет корабль строго по курсу тчк настоящее время рядом нами плывет акула тчк» *

Истый путешественник не только ведет подробные записи, но и фотографирует все, что ухватит глаз. А глаз, надо сказать, ухватывает разное. И если круистка ставит правильную выдержку и диафрагму, она способна создавать подлинные шедевры. Между тем именно по линии выдержки и диафрагмы снимающая публика

---

* При подаче этой телеграммы возник следующий разговор:

Телеграфист. Я не правомочен осуществлять цензуру, но то, что вы называете акулой, на самом деле является дельфином.

Круистка. Странно. Палубный матрос сказал мне, что это акула.

Телеграфист. Матросы, они известные шутники, всегда норовят околпачить непонимающих. Но если вы настаиваете на данной редакции текста, я обязан его передать.

испытывает наибольшие трудности. В связи с этим очень многие нуждаются в постоянной консультации. Бытует мнение, что наиболее опытным фотомастером является обладатель самого крупного собрания камер.

Вот, едва ступив на чужой берег, круистики устремляются за нашим профессором, на шее которого болтались четыре фото- и два киноаппарата. Угнаться за маэстро совсем было нетрудно: он то и дело спотыкался о два огромных объектива, которые волочились по булыжной набережной. На вопросы, которые сыпались со всех сторон, профессор отвечал односложно и маловразумительно. Всем казалось, что он просто не хочет утруждать себя повторением прописных истин. Но нет, профессор сам бы послушал советы знающего человека. Он клял тот час, когда, поддавшись уговору, согласился взять:

«Киев» у племянника,
«Зоркий» у шурина,
«Зенит» у зятя,
«Смену» у внука...

Вручая камеру, каждый из них давал подробные инструкции, и убывающему в круиз казалось, что никаких премудростей фотографии не существует. А вот теперь изо всех полученных наставлений профессор помнил лишь слова внука о том, что ни в коем случае нельзя аппаратом колоть грецкие орехи. Профессору было не до орехов. Стоило ему на минутку расслабиться, как он тут же терял какой-нибудь аппарат. Исчезнувший предмет принимались искать всем обществом и находили довольно быстро. Профессор дважды пересчитывал свою фотографическую наличность, успокаивался и трогался в дальнейший путь. Можно только было позавидовать его выносливости: шутка ли, таскать на шее такую тяжесть с утра до вечера.

Прекрасная физическая подготовка отличала и других путешественников. А как же иначе! Круист должен быть легок на подъем, как птица, быстр, как гепард, и силен, как носорог. Латинское изречение «*Omnia mea mecum porto*» (все свое ношу с собой) словно специально создано для круистов. Помимо съемочной аппаратуры, они таскают массу всяких вещей: бинокли для обозрения окрестностей, пачки сигарет для поощрения носильщиков и швейцаров, сувениры, предназначенные гидам, шоферам, работникам туристских фирм: деревянные ложки, хохлому, самовары, художественное литье, армянскую чеканку, украинскую горилку, рижский бальзам.

Одной рукой круист раздает подарки, а другою принимает не столь уж обильные ответные дары гостеприимных хозяев. Если б у него была еще третья рука, то и она пришлась бы ему кстати. Обегая этажи

огромных универмагов и ряды маленьких лавчонок, в ней бы он держал большой кусок бумаги, скатанный трубкой наподобие папируса. Тут поименовано сто сорок восемь предметов, которые во что бы то ни стало ему заказывали привести с собою.

Директор его института Иванов просил купить мормышку, леску самого тонкого диаметра, рыболовецкие крючки.

Заместитель директора Петров — буро-малиновую краску для росписи наличников на даче.

Старший инженер Сидорова была бы счастлива получить синтетическую нитку для вязки шарфика ребенку.

Управляющий АХО Григорьев ждет какую-то батарейку.

Инженер Кузнецов — запонки.

Инженер Андреев хочет иметь в подарок станок для точки лезвий безопасных бритв.

Лаборант Владимиров коллекционирует марки.

Вахтерша Голубева — открытки с изображением морских зверей.

Курьерша Макарова — карандаши.

Машинистка Сергеева — брелоки...

В беготне за всяческими сувенирами для других и у самого круиста просыпается страсть к коллекционированию. Ведь достаточно заполучить два однородных предмета, как к ним захочется прибавить третий. На вкус и цвет товарищей нет. Одни начинают прихватывать с собою меню из ресторанов, другие мыльные конвертики из гостиничных номеров. Третьи копят трамвайно-троллейбусные билеты.

Но самое нелегкое хобби — это, бесспорно, каменное. Коллекционеры данного профиля шатаются под весом своих рюкзаков, как солдаты на конечном отрезке многодневного учебно-тренировочного перехода. Коллекционеры-каменщики отличаются целеустремленностью и ненасытностью. Как же можно съездить в Европу и не захватить на память булыжники с наиболее известных площадей, куски штукатурки с древних дохристианских строений, камешки с развалин Карфагена, Колизея, Форума, запекшуюся лаву Помпей?!

Нужно ли говорить, что наш профессор был захвачен самым мужественным хобби — каменным? Трудно было понять, то ли он спотыкается о свои телеобъективы, то ли специально припадает к земле, чтобы подобрать очередной памятник исчезнувших цивилизаций.

— Ищите и обрящите! — повторял профессор.

У расколотых временем колонн Акрополя ему улыбнулось счастье. Он нашел морскую ракушку.

— Вот вам новейшее доказательство, что когда-то эта гора, возвышавшаяся над современными Афинами, была дном океана, — воскликнул ученый.

— А почему с ракушки свисает совсем мокрая тина? — спросил сосед по каюте. — Создается даже впечатление, что ее только что вынули из воды.

Профессор задумался. Потом он кинулся к проходящему монаху, подпоясанному веревкой.

— Сын мой, твоя любознательность весьма похвальна, — ответил монах, выслушав профессора. — Я хочу избавить тебя от заблуждения. Эта ракушка приехала сюда сегодня утром вместе с камешками, собранными на берегу моря. Их привозят каждый день на двух грузовиках и разбрасывают вокруг, чтобы туристам было что уносить на память об Акрополе. Что поделаешь, приходится идти на хитрость, иначе от этих колонн давно ничего бы не осталось...

Как видим, излишнее любопытство, проявленное профессором, несколько поколебало его научный авторитет в глазах группы. Но возникают еще и такие вопросы, на которые круисту вообще никто не ответит. Ну, например, почему его будят в пять утра, а туристские автобусы подаются только в девять тридцать? Почему в Лондоне вместо Национальной галереи ему показывают музей мадам Тюссо? А главное, почему нельзя то, что можно, и почему можно то, что нельзя?

Тем не менее постараемся ответить на такой непростой вопрос: ради чего круист оставляет свой дом, стоящий на твердом скальном грунте, и отправляется бороздить беспокойные моря, океаны и проливы? Что все-таки ищет он в краю далеком?

Что ищет он, сказать трудно, но находит круист в краю далеком одни лишь культовые учреждения. В Стамбуле ему показывают Айя Софию и Голубую мечеть. В Греции везут к развалинам храма, воздвигнутого в честь бога Посейдона. Палермо радует его великолепным собором Монреаль. В Алжире перед его утомленным взором предстают какие-то мечети, названия которых он уже не в состоянии запомнить. В Ницце прямо с корабля его ведут смотреть православную церковь...

— Ну, наверное, в следующем порту и в следующей столице мы увидим завод, научное учреждение, нас пригласят в театр, на концерт, — думает с надеждой путешественник.

Увы, опять путь в светское общество круисту преграждают церкви, синагоги, мечети, часовни, монастыри, моленные дома...

После осмотра сто тридцать четвертого храма некоторые путешественники стали впадать в ересь и кощунствовать, употребляя имя господа в нехорошем сочетании слов. Чем, собственно, и разгневали морского царя Нептуна. В Бискайском заливе он устроил нам в наказание шторм. Шторм был не очень большой — в 6—7 баллов, но и его оказалось достаточно для того, чтобы доселе отважные круистки уже не разгуливали близ капитанского мостика и служебных

помещений моряков, а улеглись пластом по своим каютам. Их отпаивали крепким чаем и снадобьями, успокаивая тем, что организация шторма входит в стоимость туристской путевки. Какой-то шутник прокрался в радиорубку и под аккомпанемент гитары запел:

Сквозь просторы штормовые
Мы идем едва живые.
И решаю я задачи,
Как спасти людей от качки...

Шторм преследовал нас до самой Риги. Здесь, едва ступив на берег, мы, уже не побуждаемые гидами, по привычке кинулись осматривать церковь и костел, затем помчались на вокзал и сели на московский поезд.

...А все-таки хорошо, что у меня есть еще десять дней неиспользованного отпуска за прошлый год! Махну-ка я в подмосковный Звенигород, поброжу по лесу, соберу грибов, порыбачу, отдохну как следует.

Красота!..

СОДЕРЖАНИЕ

Жадность	3
Куст малины у дороги	7
Гусаки и гусыни	11
Сундук бабушки Аграфены	14
«Неуд» по правоведению	18
Кабан в научном разрезе	22
Обратный рейс	26
Семь тактов паузы	30
Недогруз, перегруз	34
Был такой образцовый директор	37
Сквозь просторы штормовые	42

Илья Миронович Шатуновский
СУНДУК БАБУШКИ АГРАФЕНЫ

Редактор М. М. Жигалова.

Технический редактор Е. Н. Щукина.

Сдано в набор 08.01.81. Подписано к печати 03.03.81. А 00345.
Формат $70 \times 108^{1/32}$. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная».
Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 3,09.
Тираж 100 000 экз. Изд. № 506. Зак. № 23. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

Цена 20 коп.

Индекс 70668

ТОВАРИЩИ КНИГОЛЮБЫ!

Книгу можно не только купить, но и приобрести по выигрышному билету Всероссийской книжной лотереи. Стоимость билета 25 копеек, а сумма выигрышей от 50 копеек до 5 рублей.

На каждые 200 билетов—69 выигрышных.

По выигрышному билету можно получить книгу или другие товары по своему выбору из наличного ассортимента любого книжного магазина или киоска на территории РСФСР.

УЧАСТВУЙТЕ В РОЗЫГРЫШЕ БИЛЕТОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ КНИЖНОЙ ЛОТЕРЕИ!

**Дирекция Всероссийской
книжной лотереи**